Вечерние новости

Автор:
Артур Хейли

Вечерние новости

Артур Хейли

Артур Хейли: классика для всех

«Вторая древнейшая профессия» – или «третья сила»?

«Акулы пера» – или «телекиллеры»?

Как только не называли журналистов!

Утро телеканала начинается с планерки, и там спокойно, за кофе и сигаретами, обсуждается, каким номером поставить в эфир репортаж, который изменит ситуацию в целом регионе, а каким – тот, который «всего лишь» погубит репутацию или карьеру известного политика.

Ничего личного – только бизнес.

Зрители не имеют понятия ни о внутренних интригах, ни о бешеной борьбе за рейтинги. Как не представляют и того, на что готова пойти команда журналистов, когда «информационным поводом» становится похищение семьи одного из них. Когда несколько минут в эфире, которых требуют похитители – это цена жизни людей. Когда решения надо принимать молниеносно, и только от них зависит, кто выиграет, а кто проиграет в этой игре без правил…

Артур Хейли

Вечерние новости

ШЕЙЛЕ и ДИАНЕ

с особой благодарностью, а также моим многочисленным друзьям в средствах массовой информации, которые поведали мне то, что неизвестно широкой публике

Arthur Hailey

THE EVENING NEWS

Перевод с английского Н. Изосимовой, Т. Кудрявцевой

© Arthur Hailey, 1990

© Перевод. Н. Изосимова, 1993

© Перевод. Т. Кудрявцева, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть первая

1

Первое сообщение о том, что на «Аэробусе-300» вспыхнул пожар и самолет идет к далласскому аэропорту Форт-Уорт, поступило в здание, где был расположен Отдел новостей телестанции Си-би-эй в Нью-Йорке, всего за несколько минут до выхода в эфир первого блока «Вечерних новостей на всю страну».

Было 18.21 по времени Восточного побережья, когда заведующий отделением Си-би-эй в Далласе сообщил по радиотелефону выпускающему, сидевшему за «подковой» в Нью-Йорке: «В далласском аэропорту Форт-Уорт с минуты на минуту может произойти большая катастрофа. Маленький самолет и аэробус, полный пассажиров, столкнулись в воздухе. Самолет рухнул на землю. В аэробусе вспыхнул пожар, и он пытается сесть. Данные о ситуации непрерывно поступают по полицейскому радио и радио «Скорой помощи»».

– Господи! – воскликнул другой выпускающий, сидевший за «подковой». – А у нас есть хоть какая-то возможность получить картинки?

«Подковой» назывался огромный стол, за которым могли разместиться двенадцать человек и где каждый день с самого раннего утра и до последней секунды, пока работало телевидение ночью, планировались и составлялись основные программы новостей. На телестанциях-конкурентах это именовалось по-разному: на Си-би-эс – «рыбным садком», на Эй-би-си – «ободом», на Эн-би-си – «пультом управления». Но любое из этих названий означало одно и то же.

Здесь сидели, бесспорно, лучшие умы телестанции, способные оценить новость и решить, как ее подать: ответственный за выпуск, ведущий, старшие выпускающие, режиссер, редакторы, текстовики, главный художник и помощники. Там же, словно инструменты в оркестре, стояли с полдюжины компьютеров, а также передающие новости телетайпы, целая фаланга телефонов и телемониторов, на которых можно мгновенно воспроизвести от неотредактированной пленки до подготовленного блока новостей и передач конкурирующих телестанций.

«Подкова» находилась на четвертом этаже главного здания Си-би-эй, в центре большого пустого помещения, вдоль одной из стен которого шли двери в кабинеты ответственных сотрудников, так что те могли на время сбежать туда из подчас накаленной атмосферы «подковы».

Сегодня, как и почти всегда, на председательском месте за «подковой» сидел ответственный за выпуск Чак Инсен. Худой и вспыльчивый, он был журналистом-ветераном, с ранних лет печатался в газетах и по сей день предпочитал по старинке внутренние новости международным. Ему исполнилось пятьдесят два года, и по нормам ТВ он считался стариком, но был по-прежнему полон энергии, хотя и проработал четыре года на таком месте, где других едва хватало на два. Чак Инсен, случалось, и нередко, бывал груб с сотрудниками: он терпеть не мог людей глупых и болтунов. По одной простой причине: у него не было времени с ними разбираться.

Сейчас – а была середина сентября, среда – напряжение за «подковой» дошло до высшей точки. С самого раннего утра и весь день напролет те, кто там сидел, отбирали и выстраивали материал для «Вечерних новостей на всю страну»: корреспонденции просматривались, обсуждались, передвигались, отклонялись. Корреспонденты и выпускающие, разбросанные по всему миру, предлагали идеи, получали задания и присылали материал. В результате события за день сводились к текстам восьми корреспондентов длительностью от полутора до двух минут, двум комментариям и четырем «пересказам» событий. Комментарии давал ведущий на фоне «картинки». И для того и для другого выделялось в среднем двадцать секунд.

Сейчас из-за далласского сообщения – а до эфира оставалось меньше восьми минут – возникла необходимость перестроить все «Новости». Хотя никто не знал, сколько еще поступит информации и будет ли зрительный ряд, надо было снимать один из сюжетов и сокращать другие, чтобы включить известие из Далласа. А это означало, что для балансировки придется менять и последовательность изложения событий. Передача уже начнется, а продолжение ее еще будут перестраивать. Такое часто случалось.

– Всем: новый план передачи, – последовал сухой приказ Инсена. – Начнем с Далласа. Кроуф дает «пересказ». У нас уже есть сообщение по телетайпу?

– Только что поступило от АП. Оно у меня, – ответил ведущий Кроуфорд Слоун.

Он как раз сейчас сидел за «подковой» на своем обычном месте – справа от ответственного за выпуск и читал бюллетень Ассошиэйтед Пресс, который ему вручили несколько мгновений назад.

Его резко очерченное лицо, волосы с проседью, волевой подбородок и властная, уверенная манера держаться были знакомы примерно семнадцати миллионам телезрителей, которые почти каждый вечер видели Слоуна на своих экранах. Кроуф Слоун тоже был журналистом-ветераном, неуклонно продвигавшимся вверх по служебной лестнице; особенно большой рывок он сделал после того, как поработал корреспондентом Си-би-эй во Вьетнаме. Потрудившись затем репортером в Белом доме, а потом в течение трех лет выступая каждый вечер в роли ведущего, он стал как бы национальным достоянием и принадлежал к элите средств массовой информации.

Через две-три минуты Слоун уйдет в студию и начнет свой «рассказ», основываясь на фактах, поступивших из Далласа по радиотелефону, а также на том, что он почерпнул из отчета АП. Текст он всегда писал сам. Так поступали далеко не все ведущие. Слоун же перед выступлением всегда делал для себя наброски. Только надо было быстро поворачиваться.

Снова раздался громкий голос Инсена. Просмотрев первоначальный план передачи, он сказал одному из трех старших выпускающих:

– Убирайте Саудовскую Аравию. Снимите пятнадцать секунд с Никарагуа…

Слоуна передернуло, когда он услышал решение убрать сюжет о Саудовской Аравии. Это была важная новость о планах, связанных с продажей нефти, к тому же хорошо подготовленная на две с половиной минуты корреспондентом Си-би-эй по Ближнему Востоку. А завтра этот сюжет уже не пройдет, так как известно, что этими данными располагают и другие станции и они передадут их сегодня вечером.

Слоун не сомневался, что новость из Далласа надо ставить на первое место, но если бы ему предложили решать, он снял бы сюжет об американском сенаторе, занимавшемся неблаговидными делами на Капитолийском холме. Законодатель втихую проставил сумму в восемь миллионов долларов в поистине гаргантюанский законопроект, чтобы услужить своему другу, давшему денег на его избирательную кампанию. Только благодаря въедливости одного репортера все это выплыло на свет божий.

Эта вашингтонская история, хоть и красочная, была не столь уж важной новостью: коррупция среди членов конгресса стала обычным явлением. «Но Чак

Инсен, – мрачно подумал Слоун, – принял характерное для него решение – снять международную новость».

Отношения между этими двумя людьми – выпускающим и ведущим – никогда не были особенно хорошими, а в последнее время значительно ухудшились из-за разногласий относительно того, что пускать в эфир. Казалось, они все больше расходились в главном – не только каким новостям каждый вечер отдавать предпочтение, но и как их освещать: Слоун, например, предпочитал углубленную разработку нескольких основных тем; Инсен же стремился втиснуть в передачу возможно больше новостей, даже – как он частенько говорил – «давая некоторые скороговоркой».

При других обстоятельствах Слоун стал бы возражать против снятия материала о Саудовской Аравии и, возможно, добился бы положительного решения – ведущий является ведь одновременно и главным редактором и имеет право включать в передачу те или иные материалы, – только вот сейчас не было на это времени.

Поспешно вдавив каблуки в пол, Слоун отодвинул свое кресло на колесиках и слегка повернул вбок, чтобы удобнее было сидеть за компьютером. Сосредоточившись, отключившись от царившего вокруг бедлама, он принялся выстукивать первые фразы вечерней передачи.

«Из далласского аэропорта Форт-Уорт только что поступило самое первое сообщение о том, что может обернуться трагедией. Несколько минут назад в воздухе столкнулись два пассажирских самолета, один из них – тяжело нагруженный аэробус компании «Маскигон». Столкновение произошло над городом Гейнсвилл в Техасе, к северу от Далласа, и, по сообщению Ассошиэйтед Пресс, второй самолет – судя по всему, маленький – стал терять высоту. На данный момент о его судьбе или о жертвах на земле ничего не известно. Аэробус еще летит, но он в огне – пилоты пытаются посадить его в далласском аэропорту Форт-Уорт. Там наготове уже стоят пожарные и «скорая помощь»…»

Пальцы Слоуна летали по клавишам, в то время как в мыслях промелькнуло, что сегодня лишь немногие выключат свои телевизоры, пока будут идти «Вечерние новости». Добавив фразу и порекомендовав телезрителям смотреть передачу до конца в ожидании дальнейших сообщений, он нажал на клавишу принтера.

Копию этого текста получат и на «экране-подсказке», так что когда он спустится этажом ниже, в студию, на экране его уже будет ждать текст.

С пачкой бумаг Слоун быстро направился к лестнице, ведущей на третий этаж, и по дороге услышал, как Инсен спросил у старшего выпускающего:

– Черт подери, да где же «картинки» из Далласа?

– Дело худо, Чак. – Выпускающий, прижав телефонную трубку плечом, как раз говорил с редактором внутриамериканских новостей, находившимся в главной репортерской. – Горящий самолет уже подлетает к аэропорту, а наша съемочная группа туда не успевает.

– А, черт! – ругнулся Инсен.

Если бы на телевидении за опасную работу давали медали, у Эрни Ласалла, редактора внутриамериканских новостей, вся грудь была бы в знаках отличия. Ему всего двадцать девять лет, но он уже успел отличиться, работая – часто в опасных ситуациях – в Ливане, Иране, Анголе, на Фолклендских островах, в Никарагуа и других неспокойных местах в качестве выпускающего Си-би-эй. И хотя в мире по-прежнему возникали подобные ситуации, теперь Ласалл обозревал события, происходящие дома, в Америке, – где порой бывало не менее взрывоопасно, – сидя в удобном мягком кресле, которое стояло в кабинетике, отделенном стеклом от главной репортерской.

Ласалл был ладный, узкокостный, энергичный, он хорошо одевался и носил аккуратно подстриженную бородку – «настоящий молодой делец», как говорили некоторые. На нем лежала большая ответственность за освещение всего, что происходило в стране. Вторым таким человеком в репортерской был редактор международных новостей. У каждого было по кабинетику, куда они уединялись, когда новость требовала особого внимания или же непосредственно касалась одного из них. Авария в далласском аэропорту Форт-Уорт как раз требовала особого внимания – ergo[1 - Значит, следовательно (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.], Лассалл и бросился в свой кабинетик.

Репортерская находилась этажом ниже «подковы». Там же находилась и студия, которая часто использовала шумную репортерскую в качестве зрительного ряда. Аппаратная, где монтажер склеивал фрагменты программы, находилась в

подвальном помещении.

Прошло семь минут с тех пор, как заведующий далласским отделением Си-би-эй передал первое сообщение о том, что пострадавший аэробус приближается к аэропорту Форт-Уорт. Ласалл швырнул телефонную трубку на аппарат, схватив другую, одновременно пробегая глазами экран стоявшего рядом компьютера, на котором только что появилось новое сообщение АП. Он делал все возможное, чтобы обеспечить наиболее полное освещение события, и одновременно сообщал на «подкову» обо всех новых фактах.

Это Ласалл сообщил о том, где – увы! – находится сейчас съемочная группа Си-би-эй, и хотя репортеры мчались к аэропорту, нарушая все ограничения скорости, они все еще находились в двадцати милях от места события. Дело в том, что день в далласском отделении выдался напряженный, и все съемочные группы, корреспонденты и выпускающие разъехались по заданиям и, как на беду, находились далеко от аэропорта.

«Картинки», конечно, скоро поступят, но съемки будут сделаны уже после того, как сядет аэробус, это будет, безусловно, зрелищно и, возможно, трагично. В любом случае «картинки» едва ли появятся к первому выпуску «Вечерних новостей на всю страну», которые транслируются через сателлит почти на все Восточное побережье и в некоторые районы Среднего Запада.

Утешало лишь то, что, как выяснил шеф далласского отделения, никакая другая общенациональная или местная телестанция тоже не имела в аэропорту своей съемочной группы, – правда, они, как и группа Си-би-эй, уже мчались туда.

Продолжая говорить по телефонам, Эрни Ласалл видел из своего кабинетика ярко освещенную студию, куда только что вошел Кроуфорд Слоун и где царила обычная, предшествующая эфиру сумятица. Телеконтролерам, наблюдавшим за Слоуном во время передачи, всегда казалось, что ведущий находится в репортерском зале. Однако на самом деле студию отделяла от репортерской звуконепроницаемая перегородка из толстого стекла, чтобы шум не мешал передаче, – случалось, правда, что шумы репортерской, слегка микшируя, включали для звукового эффекта. Было 18.28 – до начала передачи оставалось две минуты.

Как только Слоун опустился в кресло за столом ведущего, спиной к репортерской и лицом к средней камере – а их всего было три, – к нему подошла гримерша. Слоун уже гримировался десять минут назад в комнатке рядом со своим кабинетом, но с тех пор вспотел. Сейчас девушка промокнула ему лоб, припудрила, провела расческой по волосам и чутъ сбрызнула лаком.

Слоун нетерпеливо буркнул: «Спасибо, Нина», затем пробежал глазами начальные слова своего «пересказа» событий, проверяя их соответствие с находящимся перед его глазами «экраном-подсказкой», откуда он будет читать текст, тогда как зрителям будет казаться, что он смотрит на них. Мы часто видим, как обозреватель переворачивает страницы, – это делается на случай, если «экран-подсказка» подведет. Режиссер громко объявил:

– Одна минута!

А Эрни Ласалл в своем кабинете вдруг выпрямился в кресле, насторожившись: весь внимание.

За минуту до того у заведующего далласским отделением зазвонил другой телефон, и он, извинившись перед Ласаллом, взял трубку. Ласалл ждал – он слышал голос заведующего, но не слышал, что говорилось. А когда тот сообщил ему, Ласалл заулыбался во весь рот.

Он тотчас взял трубку красного телефона, стоявшего у него на столе и соединявшего его через громкоговорители со всеми службами.

– Говорит внутриамериканская служба новостей, Ласалл. Приятная новость. Сейчас начнем получать «картинки» из аэропорта Форт-Уорт. Там случайно оказались Партридж, Эбрамс, Ван Кань. Эбрамс только что сообщила в далласское отделение, что они берутся за освещение события. Далее, фургон с сателлитом отозван с другого задания и находится на пути в Форт-Уорт, должен скоро прибыть. Время передачи через сателлит из Далласа в Нью-Йорк забронировано. Рассчитываем получить «картинки» для включения в первый блок «Новостей».

Хотя Ласалл говорил отрывисто, лаконично, ему трудно было заставить голос звучать ровно, чтобы в нем не чувствовалось удовлетворения. Сверху, оттуда,

где находилась «подкова», донеслось приглушенное «ура». А Кроуфорд Слоун в студии повернулся на своем кресле и радостно поднял вверх два больших пальца.

Помощник положил на стол редактора внутриамериканских новостей лист бумаги, тот взглянул на него и прочитал по радиотелефону:

– Еще одно сообщение от Эбрамс: «На борту терпящего бедствие аэробуса – 286 пассажиров, 11 человек команды. Столкнувшийся с ним частный самолет «Пайпер чиенн» упал в Гейнсвилле, все погибли. Есть пострадавшие на земле – о них подробностей пока нет. У аэробуса отлетел один мотор, пытается сесть на оставшемся моторе. Воздушная диспетчерская сообщает, что пожар – в том месте, где отсутствует мотор». Конец сообщения.

Ласалл подумал: «До чего высокопрофессиональны все сообщения, поступившие из Далласа за последние несколько минут». Но в этом не было ничего удивительного, так как группа – Эбрамс, Партридж и Ван Кань – была одной из самых сильных на Си-би-эй. Рита Эбрамс, очень быстро ставшая из простого корреспондента старшим разъездным выпускающим, умеющим схватывать ситуацию, и обладающая изобретательностью в передаче новостей даже в самых трудных условиях, а Гарри Партридж был одним из лучших корреспондентов. Вообще-то он специализировался на военной тематике и, как и Кроуфорд Слоун, работал репортером во Вьетнаме, но можно было не сомневаться, что он прекрасно справится с чем угодно.

Оператор Минь Ван Кань, выходец из Вьетнама, ныне американский гражданин, отлично снимал в опаснейших ситуациях, не особо раздумывая, останется ли сам жив. Если уж эта тройка займется сейчас Далласом – хороший материал гарантирован.

К этому времени на часах было уже 18.31, и первый блок внутриамериканских новостей пошел в эфир. Ласалл потянулся к рычажку на консоли рядом со столом и, включив звук в находившемся над его головой мониторе, услышал Кроуфорда Слоуна, сообщавшего об аварии в аэропорту Форт-Уорт. Камера показала руку – руку текстовика, положившего перед ним лист бумаги. Это было явно сообщение, которое только что продиктовал Ласалл, и, бросив на бумагу взгляд, Слоун включил его в свой текст. Он блестяще умел это делать.

Наверху, за «подковой», настроение после сообщения Ласалла изменилось. Хотя спешка и напряжение не спадали, люди повеселели, зная, что за развитием событий в Далласе наблюдают и скоро вместе с более полным отчетом начнет поступать зрительный ряд. Чак Инсен и остальные напряженно следили за мониторами, спорили, принимали решения, выжимали секунды, резали и перестраивали материал, чтобы освободить время для новостей из Далласа. Похоже было, что сообщение о коррумпированном сенаторе выпадет вообще. Все чувствовали, что работают с максимальной отдачей – в предельно короткий срок пытаются справиться с довольно сложной задачей.

Они быстро перекидывались фразами на понятном им языке:

– Здесь плохая «картинка».

– Подрежь эту копию.

– Аппаратная: мы изымаем шестнадцатый сюжет – «Коррупция». Но он может снова влететь, если ничего не получим из Далласа.

– Последние пятнадцать секунд в этом куске – дохлые: говорим то, что люди уже знают.

– А старушка в Омахе не знает.

– Тогда она никогда и не будет знать. Выбрось это.

– Первый блок готов. Переходим к рекламе. У нас повисло сорок секунд.

– А что у конкурентов из Далласа?

– «Пересказ» события, как и у нас.

– Мне нужен бампер и место для «Всплеска наркотиков».

– Выбрось этот кусок. Он ничего не весит.

– Чем мы тут занимаемся? Пытаемся всунуть двенадцать фунтов дерьма в десятифунтовый мешок.

Сторонний наблюдатель мог бы с удивлением подумать: «Неужели у этих людей не осталось ничего человеческого? Неужели их не волнует, что происходит? Они что же, не способны ни чувствовать, ни сопереживать, они не испытывают ни капли горя? Неужели ни один из них не подумал о том, что на этом приближающемся к аэропорту самолете находятся перепуганные люди, почти триста человек, которые скоро могут погибнуть? Неужели тут нет никого, кому это не было бы безразлично?» А человек, знакомый с миром новостей, ответил бы: «Да, тут есть люди, которым не все безразлично, и они станут переживать, возможно, даже сразу после передачи. Или когда придут домой и до них дойдет весь ужас случившегося, иные – в зависимости от того, как будут разворачиваться события, – может, и заплачут. Но сейчас ни у кого нет на это времени. Они заняты передачей новостей. Их обязанность – зафиксировать то, что происходит, дурное или хорошее, и сделать это быстро, эффективно…»

А потом, в 18.40, через десять минут после того, как началась передача «Новостей», главной проблемой, занимавшей всех, кто сидел за «подковой», а также и всех в репортерской, в студии и в аппаратной, был вопрос: появятся или не появятся вовремя вместе с рассказом «картинки» о происшествии в аэропорту Форт-Уорт?

2

Для группы же из пяти журналистов, находившихся в далласском аэропорту Форт-Уорт, события начали разворачиваться на два часа раньше и достигли пика в 17.10 по времени Срединного пояса.

Этими пятью были – Гарри Партридж, Рита Эбрамс, Минь Ван Кань, Кен О’Хара, звукооператор Си-би-эй, и Грэм Бродерик, иностранный корреспондент «Нью-Йорк таймс». Утром, еще до рассвета, они вылетели из Эль-Сальвадора в Мехико, а затем, пересев после недолгого ожидания на другой самолет, прибыли в Форт-Уорт. Сейчас они сидели в аэропорту и ждали каждый своего самолета, чтобы разлететься в разных направлениях.

Все устали – не только от сегодняшнего долгого путешествия, но и от двухмесячной жизни среди неудобств и опасностей в малоприятных частях

Латинской Америки, где они освещали вспыхивающие в разных местах ожесточенные войны.

В ожидании вылета они сидели в баре крыла 2E, одном из двадцати четырех оживленных баров, работавших в аэропорту. Бар был построен в современном стиле и в то же время удобно. Его окружала стеклянная стена, за которой, словно в зимнем саду, стояли растения; с потолка свисали голубые клетчатые полотнища, подсвеченные розовым. Корреспондент из «Таймс» сказал, что это напоминает ему бордель в Мандалее, куда он однажды заглянул.

Из-за столика у окна, где они сидели, был виден коридор-гармошка и выход № 20. Через него скоро начнется посадка на самолет «Америкен эйрлайнз», на котором Гарри Партридж должен вылететь в Торонто. Однако вылет задерживался, и только что объявили, что самолет полетит не раньше чем через час.

Партридж был высокий, сухопарый, вечно лохматый, отчего вид у него был мальчишеский, хотя ему и перевалило за сорок и волосы уже начали седеть. Сейчас он расслабился, и его мало тревожила задержка вылета или что-либо вообще. Впереди было три недели отпуска, который ему был крайне необходим.

Рита Эбрамс ждала самолет на Миннеаполис – Сент-Пол, откуда она собиралась отправиться отдыхать в Миннесоту, на ферму к друзьям. А кроме того, у нее на уик-энд было назначено свидание с одним женатым мужчиной, занимавшим высокий пост в Си-би-эй (но эту информацию она хранила про себя). Минь Ван Кань и Кен О’Хара летели домой, в Нью-Йорк. Как и Грэм Бродерик.

Партридж, Рита и Минь часто работали вместе. О’Хара же поехал с ними звукооператором впервые. Молодой, бледный, тонкий, будто карандаш, он проводил бо2льшую часть времени за чтением журналов по электронике; вот и сейчас он сидел, уткнувшись в один из них.

Бродерик был для них человеком посторонним, хотя часто выезжал с телевизионщиками на одни и те же задания и поддерживал с ними в основном хорошие отношения. Однако сейчас этому солидному, кругленькому и слегка напыщенному человеку было далеко не все по душе.

Трое телевизионщиков немного перебрали спиртного. Исключение составляли Ван Кань, ничего не бравший в рот, кроме содовой воды, и звукооператор, бесконечно долго сидевший за кружкой пива и отказавшийся выпить еще.

– Слушай, ты, наглая твоя душа, – сказал Бродерик Партриджу, увидев, что тот вытаскивает из кармана пачку денег, – я же сказал, что за выпивку плачу я. – И он положил на подносик, на котором официант принес им три двойные порции виски и стакан содовой воды, две банкноты – двадцатку и пятерку. – Если ты получаешь в два раза больше меня, это еще не значит, что ты должен подавать милостыню прессе.

– О, ради всего святого! – воскликнула Рита. – Брод, когда ты наконец сменишь эту заезженную пластинку?

Рита говорила, как с ней иной раз бывало, достаточно громко. В этот момент через бар проходили два сотрудника отдела охраны общественного порядка в аэропорту; они с любопытством повернули головы в сторону Риты. Заметив это, она улыбнулась и помахала им рукой. Охранники окинули взглядом группу и громоздившиеся возле нее кинокамеры и оборудование с ярлыками Си-би-эй. Оба улыбнулись и пошли дальше.

А Гарри Партридж, наблюдавший эту сценку, подумал: «Стареет Рита». Хотя она была по-прежнему сексуально привлекательна и многие мужчины увлекались ею, на лице уже появились красноречивые морщинки, а жесткость, с какой она требовательно относилась как к себе, так и к тем, с кем вместе работала, проявлялась в повелительности манер, что не всегда было приятно. На это была, конечно, своя причина – напряжение и огромный груз работы, которые выпали на нее, Гарри и на двоих других в эти последние два месяца.

Рите было сорок три года, и шесть лет назад она еще появлялась на экране в качестве корреспондента, хотя и гораздо реже, чем раньше, когда была моложе и ярче. Все знали про безобразное, несправедливое отношение к женщинам на телевидении, где мужчины-корреспонденты продолжали появляться на телеэкране, даже когда было заметно, что они постарели, тогда как женщин выбрасывали с работы, точно отслуживших свое наложниц. Несколько женщин пытались против этого бороться – Кристина Крафт, репортер и ведущая, подавала даже в суд, но проиграла.

Рита же, вместо того чтобы вступать в борьбу, в которой, она знала, ей не избежать поражения, переключилась на другое и, став выпускающей, стоя теперь за камерой, а не перед ней, работала необычайно успешно. Это дало ей основание потребовать у старших выпускающих, чтобы ее послали в какую-нибудь «горячую точку» за границу, куда почти всегда посылали мужчин. Ее начальники некоторое время противились, потом сдались, и скоро Риту – вместе с Гарри – стали автоматически посылать туда, где шли самые жестокие бои и где были наиболее тяжелые условия жизни.

Бродерик, поразмыслив, решил все же ответить на последнее замечание Риты:

– И ведь получаете-то вы такие деньги не потому, что ваша команда занята чем-то особо важным. Подумаешь, каждый вечер выдавать крохотную кучку новостей – да это же все равно что поковырять в зубах мира и вытащить на свет то, что в них застряло. Сколько времени она у вас длится, ваша передача, – девятнадцать минут?

– Если вы решили бить нас, как желторотых птенцов, – любезным тоном заметил Партридж, – то уж по крайней мере прессе следует правильно излагать факты. Наша передача длится двадцать одну с половиной минуту.

– Исключая семь минут на рекламу, – добавила Рита, – что, кстати, дает возможность платить Гарри такие безумные деньги, а вас заставляет зеленеть от зависти.

«Рита со своей прямотой лихо попала в точку насчет зависти», – подумал Партридж. Разница в оплате тех, кто работал на телевидении, и тех, кто работал в прессе, всегда болезненно воспринималась журналистами. Если Партридж получал 250 тысяч долларов в год, то Бродерик, первоклассный, высококомпетентный репортер, зарабатывал, по всей вероятности, тысяч 85.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс», словно его и не прерывали, тем временем продолжал:

– То, что весь ваш отдел новостей производит за день, поместилось бы на половине нашей полосы.

– Глупое сравнение, – парировала Рита. – Всем же известно, что «картинка» стоит тысячи слов. А мы даем сотни «картинок» и показываем людям само событие, чтобы они могли своими глазами увидеть и судить. Ни одна газета за все время существования прессы не в состоянии была сделать такое.

Бродерик, держа в руке стакан с новой двойной порцией виски, к которому он то и дело прикладывался, отмахнулся свободной рукой.

– Это несущественно, – прошепелявил он.

– А почему несущественно? – спросил Минь Ван Кань, обычно помалкивающий.

– Потому что вы, ребята, – сонные тетери. Общенациональная телевизионная служба новостей отмирает. Вы всегда передавали, так сказать, лишь заголовки новостей, а теперь местные станции отобрали у вас даже это: с помощью техники они сами получают новости отовсюду, сдирая, точно стервятники, мясо с ваших костей.

– Ну, кое-кто уже не один год это твердит, – заметил Партридж, по-прежнему пребывая в благодушно-расслабленном состоянии. – Но посмотрите на нас. Мы все еще существуем и держимся, потому что люди смотрят общенациональные новости из-за их качества.

– Ты совершенно прав, – сказала Рита. – А ты, Брод, еще в одном не прав: передачи новостей по местным телевизионным станциям не стали лучше. Ничуть. Они стали хуже. Кое-кто из тех, кто уходил из общенациональных новостей на местные станции, вернулся к нам с очень невысоким мнением о них.

– Почему же? – осведомился Бродерик.

– Потому что руководство местных станций рассматривает новости как этакую сверхрекламу, средство завоевать более видное место и получить изрядный доход. Они используют эту новую технику, о которой ты говорил, чтобы потакать самым низкопробным вкусам телезрителей. А если и посылают кого-то на место крупного события, то, как правило, какого-нибудь ничего не смыслящего сосунка, у которого нет ни знания, ни подготовки репортера общенациональной телестанции.

Гарри Партридж зевнул. Он понимал, что разговор этот подобен много раз прокрученной пленке, которую запускают, чтобы заполнить свободное время, – это игра, чтобы заполнить свободное время, не требующая умственных усилий, и они много раз играли в нее.

Тут Партридж вдруг заметил, что атмосфера в баре изменилась.

Два сотрудника охраны общественного порядка находились по-прежнему здесь, но если раньше они прогуливались враскачку, то сейчас сосредоточенно и внимательно слушали свое переговорное устройство. По нему передавалось какое-то сообщение. Партридж уловил слова: «…состояние тревоги номер два… столкновение в воздухе… подлетает к полосе один-семь, левой… всем сотрудникам охраны общественного порядка явиться…» И молодые офицеры поспешно покинули бар.

Остальные в группе тоже это слышали.

– Эй! – сказал Минь Ван Кань. – Может…

Рита вскочила.

– Пойду узнаю, что там происходит. – И выбежала из бара. Ван Кань и О’Хара принялись собирать камеры и магнитофоны. Партридж и Бродерик – свои вещи.

Рита нагнала у стойки «Америкен эйрлайнз» одного из сотрудников охраны общественного порядка. Это был молодой красивый парень с фигурой футболиста.

– Я – из «Новостей» Си-би-эй. – И она показала ему свою карточку прессы.

Он окинул ее оценивающим взглядом:

– Да, я знаю.

В других обстоятельствах, мелькнула у Риты мысль, она бы не прочь приобщить этого малого к радостям утех с более опытной женщиной. К сожалению, на это не было времени, и она спросила:

– Что происходит?

Охранник замялся:

– Вам следует позвонить в Бюро информации…

– Это я сделаю позже, – нетерпеливо перебила его Рита. – Чрезвычайное происшествие, верно? Так скажите же мне, в чем дело?

– У «Маскигон эйрлайнз» случилась беда. Один из их аэробусов потерпел аварию. Загорелся, но летит. У нас объявлена тревога номер два: это значит, что все средства помощи срочно направляются на полосу один-семь, левую. – Тон у него был серьезный. – Худо дело.

– Я хочу, чтобы моя съемочная группа была там. Сейчас и немедленно. Куда нам идти?

Охранник помотал головой:

– Без сопровождения вы на поле не выйдете. Вас арестуют.

Тут Рита вспомнила, что ей как-то говорили, будто аэропорт Форт-Уорт хвастается сотрудничеством с прессой. Она ткнула в переговорное устройство.

– А вы можете по этой штуке вызвать Информацию?

– Могу.

– Так сделайте это. Пожалуйста!

Ее убедительный тон подействовал. Охранник вызвал Информацию. Он взял у Риты карточку прессы, прочел то, что на ней написано, и объяснил ее просьбу.

Последовал ответ: «Скажите, чтобы они пошли на пункт охраны общественного порядка номер один, записались в журнале и получили значки для прессы».

У Риты вырвался стон. Она протянула руку к переговорному устройству.

– Разрешите мне самой поговорить.

Охранник нажал кнопку передачи и поднес Рите радиофон. Пустив в ход свое умение убеждать, она заговорила в микрофон: «Вы же должны понимать – на это нет времени. Мы – телевидение. У нас есть все допуски. Потом мы заполним вам все бумаги, какие хотите. Только пожалуйста, пожалуйста, разрешите нам сейчас выйти к месту события».

«Не отключайтесь. – Пауза, затем другой голос авторитетно и сухо произнес: – О’кей, быстро идите к выходу девятнадцать. Попросите кого-нибудь вывести вас на поле. А там увидите «универсал» с мигалкой. Выезжаю к вам».

Рита сжала охраннику локоть:

– Спасибо, дружок!

И помчалась к Партриджу и остальным, как раз выходившим из бара. Последним шел Бродерик. Уже выходя, он обернулся и с сожалением посмотрел на оплаченное, но недопитое виски.

Рита быстро рассказала Партриджу, Миню и О’Харе то, что ей удалось узнать, и добавила:

– Это может быть большой новостью. Идите на поле. Не теряйте времени. А я сделаю несколько телефонных звонков и присоединюсь к вам. – Она взглянула на свои часы: 17.20 по местному времени, 18.20 в Нью-Йорке. – Если сработаем быстро, можем успеть к первому блоку «Новостей». – Но в глубине души она в этом очень сомневалась.

Партридж кивнул, принимая команду Риты. Отношения между корреспондентом и выпускающим никогда не были четко определены. Официально разъездной выпускающий – в данном случае Рита Эбрамс – возглавлял всю группу, включая корреспондента, и если на задании что-то выходило не так, вся вина ложилась на выпускающего. Если же все шло хорошо, то хвалили, конечно, корреспондента, чье лицо и имя фигурировали на экране, хотя выпускающий,

несомненно, внес свою лепту в формирование материала и в текст.

Но со старшими корреспондентами, такими «закоперщиками», как Гарри Партридж, дело обстояло иначе: официальный порядок переворачивался и главным становился корреспондент, а на указания выпускающего просто не обращали внимания. Однако когда Партридж и Рита работали вместе, ни один из них не думал о том, кто кем командует. Оба просто хотели, чтобы материал, который они пошлют, поработав вместе, в одной упряжке, был как можно лучше.

Рита побежала к телефону-автомату, а Партридж, Минь и О’Хара быстро направились к выходу № 19. Грэм Бродерик, мигом протрезвев, следовал за ними.

Недалеко от выхода № 19 была дверь с табличкой:

ВЫХОД НА ПОЛЕ —

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ТОЛЬКО НА КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ.

ПРИ ПОПЫТКЕ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ

РАЗДАСТСЯ СИГНАЛ

Вблизи никого не было видно из служащих, и Партридж без колебаний открыл дверь; остальные последовали за ним. Когда они с грохотом бежали вниз по металлической лестнице, сзади раздался сигнал тревоги. Не обращая на него внимания, они выскочили на поле.

В это время дня на поле было полно самолетов и машин авиакомпаний. Неожиданно откуда-то вырулил «универсал» – на крыше его горела мигалка. Взвизгнув шинами, машина остановилась у выхода № 19.

Минь, стоявший к ней ближе всех, открыл дверцу и вскочил внутрь, остальные следом. Шофер, стройный молодой чернокожий в коричневом деловом костюме, отъехал столь же быстро, как и подкатил. Не оборачиваясь, он произнес:

– Привет, ребята! Меня зовут Вернон, я из Бюро информации.

Партридж представился и представил остальных.

Пошарив рукой по сиденью рядом с собой, Вернон отыскал три зеленых значка. И передал их назад.

– Это – временные, но лучше их прикрепить. Я и так уже нарушил правила, но, как точно выразилась ваша подружка, времени у нас не навалом.

Они пересекли две рулевые дорожки и поехали по параллельной объездной дороге на восток. Впереди и вправо от них тянулись две взлетно-посадочные полосы. У дальней полосы стояли в ряд аварийные машины.

А в аэропорту Рита Эбрамс говорила по телефону-автомату с далласским отделением Си-би-эй. Заведующий, как она выяснила, уже знал о чрезвычайной ситуации в аэропорту и пытался послать туда местную команду Си-би-эй. Он невероятно обрадовался, узнав, что Рита и остальные уже там.

Рита попросила сообщить об этом в Нью-Йорк, затем осведомилась:

– Как у нас с передачей через сателлит?

– В порядке. Из Арлингтона выехал фургон с передвижным сателлитом.

Арлингтон, как она выяснила, находился всего в тринадцати милях от аэропорта. Фургон, принадлежавший филиалу Си-би-эй, был послан на арлингтонский стадион для спортивной передачи, но сейчас от нее отказались и направили фургон в далласский аэропорт. Шоферу и технику будет дано указание по радиотелефону сотрудничать с Ритой, Партриджем и остальными.

Это известие обрадовало Риту. Она поняла, что, по всей вероятности, сообщение и «картинки» удастся передать в Нью-Йорк так, чтобы они попали в первый блок

«Вечерних новостей».

«Универсал» с группой Си-би-эй и корреспондентом «Нью-Йорк таймс» приближался к полосе 17-Л – цифра «17» означала 170 градусов, иными словами: направление почти на юг, а «Л» – что это левая из двух параллельных полос. Как во всех аэропортах, это было написано большими белыми цифрами и буквой на поверхности полосы.

Не снижая скорости, Вернон пояснил:

– Когда самолет терпит бедствие, пилот сам выбирает, на какую полосу садиться. На нашем аэродроме это обычно один-семь, левая. Ширина у этой кромки двести футов, и она ближе расположена к аварийным службам.

«Универсал» остановился на рулевой дорожке, у пересечения с полосой 17-Л, откуда видно будет самолет, когда он станет подлетать и садиться.

– Здесь будет ваш командный пункт, – сказал Вернон.

Тем временем аварийные машины продолжали прибывать, некоторые остановились совсем рядом с ними. В том числе семь желтых машин из пожарной команды аэропорта: четыре гигантских «ошкоша М-15», грузовик с воздушной лестницей и две машины быстрого реагирования поменьше. Пеновыбрасывающие фургоны с гигантскими колесами почти в шесть футов высотой, с двумя моторами спереди и сзади и брандспойтами под высоким давлением были каждый своего рода пожарным депо. А машины быстрого реагирования, развивающие большую скорость и обладающие маневренностью, предназначались для того, чтобы быстро подойти к горящему самолету на близкое расстояние.

Подкатило с полдюжины голубых с белым полицейских машин, из которых выскочили полицейские, открыли багажники и, вытащив оттуда серебристые противопожарные костюмы, стали их натягивать. Вернон пояснил, что полиция в аэропорту натренирована также на тушение пожаров. Поток непрерывно даваемых указаний шел по радио и был слышен в «универсале».

Пожарные машины, которыми командовал лейтенант в желтом автомобиле, занимали позицию через равные промежутки вдоль взлетно-посадочной полосы. Кареты «скорой помощи», вызванные из ближайших больниц, съезжались к аэропорту и сосредоточивались неподалеку, но все же на расстоянии от посадочной полосы.

Партридж первым выскочил из «универсала» и принялся делать записи в блокноте. Бродерик – с меньшей поспешностью – занялся тем же. Минь Ван Кань залез на крышу «универсала» и, нацелив камеру в небо, ждал появления самолета. Позади него Кен О’Хара тащил провода и звукозаписывающую аппаратуру.

Почти тотчас примерно в пяти милях от них показался терпящий бедствие самолет – черный шлейф густого дыма тащился за ним. Минь поднял камеру, прильнув глазом к видоискателю.

Минь был крепкий, приземистый – ростом не более пяти футов, но широкоплечий и с длинными мускулистыми руками. С широкого смуглого лица, испещренного отметинами от перенесенной в детстве оспы, бесстрастно смотрели большие карие глаза, ничем не выдавая затаенных мыслей. Люди, близкие к Миню, говорили, что требуется немало времени, чтобы узнать его.

Однако все были согласны с тем, что он один из лучших операторов телевидения, трудолюбивый, надежный, честный. Его снимки были не просто хороши – они приковывали внимание и часто были высокохудожественны. Минь работал для Си-би-эй сначала во Вьетнаме, где научился своему ремеслу у американского оператора, которому помогал носить оборудование при съемке боев в джунглях. Когда его учитель подорвался на мине, Минь принес его тело для погребения, а затем взял камеру и вернулся в джунгли снимать. Никто на Си-би-эй не помнил, когда и кем был взят на работу Минь. Он просто стал работать для телестанции – и все.

В 1975 году, когда стало ясно, что Сайгон вот-вот падет, Минь, его жена и двое детей оказались среди тех немногочисленных счастливчиков, кого военным вертолетом перебросили со двора американского посольства на один из кораблей американского Седьмого флота. Даже и в той ситуации Минь все заснял, и многие из его материалов были использованы в «Вечерних новостях на всю страну».

А сейчас он снимал другой сюжет, связанный с авиацией, не менее драматичный, но с еще неясным концом.

В видоискателе четче вырисовались очертания приближающегося аэробуса. Четче обозначился и ореол пламени справа, а также летящий следом дым. Пламя вырывалось из того места, где находился раньше мотор, а теперь осталась лишь его опора. И Минь, и все, кто наблюдал за приближением аэробуса, могли лишь удивляться тому, что пламя еще не охватило весь самолет.

А в «универсале» Вернон включил радио, настроенное на волну воздушной диспетчерской. Слышно было, как диспетчер переговаривается с пилотами аэробуса. Спокойный голос диспетчера, следившего за посадкой по радару, предупредил: «Вы спуститесь немного ниже линии скольжения… уклоняйтесь влево от центра… Теперь вы на линии скольжения, идите по центру…»

Но пилотам аэробуса явно трудно было держать высоту и идти ровным курсом. Самолет спускался точно краб – поврежденное правое крыло ниже левого. Моментами нос самолета нацеливался куда-то в сторону, потом с трудом снова устремлялся на взлетно-посадочную полосу. Видно было, как самолет то подпрыгивает в воздухе, то ныряет, словно вдруг теряя в весе, а затем набирая его. Люди, находившиеся на земле и напряженно следившие за происходящим, молча спрашивали себя: «Неужели аэробус, пролетев такое расстояние, не сумеет сесть?» Дать точный ответ никто не мог.

По радио раздался голос одного из пилотов: «Диспетчер, у нас проблема с шасси… не работает гидравлика. – Пауза. – Попытаемся выбросить шасси «свободным падением»…»

Капитан пожарной команды, тоже слышавший это, остановился возле «универсала».

– Что это значит? – спросил его Партридж.

– На больших пассажирских самолетах существует аварийная система, позволяющая выбросить колеса, если отказывает гидравлика. Пилот выключает всю гидравлику, и колеса вываливаются под собственной тяжестью и фиксируются в нужном положении. Но, выбросив колеса, пилот при всем желании уже не сможет их убрать.

Несколько мгновений спустя снова раздался спокойный голос воздушного диспетчера: ««Маскигон», ваши шасси выбросились. Учтите: пламя близко к правому переднему шасси».

Было ясно, что если шины на правых передних колесах сгорят, что было вполне вероятно, эта часть шасси отлетит при соприкосновении с землей и самолет на большой скорости резко накренится вправо.

Минь, придерживая рукой жужжащую камеру, снимал. Он тоже видел, что огонь уже подобрался к шинам. Аэробус парил теперь над территорией аэропорта. Вот он уже в какой-нибудь четверти мили от полосы… Он садился, но огонь все разгорался, поддерживаемый горючим, и две правые шины из четырех уже горели. Яркая вспышка показала, что одна из них лопнула.

Теперь горящий аэробус уже летел над взлетно-посадочной полосой со скоростью 150 миль в час. Самолет пронесся над аварийными машинами, и они – одна за другой – тотчас вырулили на взлетно-посадочную полосу и на предельной скорости, так что завизжали шины, помчались за ним. Два желтых фургона с пенными огнетушителями двинулись следом, за ними – остальные пять.

А на взлетно-посадочной полосе, когда колеса самолета соприкоснулись с землей, лопнула еще одна шина справа, потом еще одна. В один миг все правые шины исчезли – остались лишь колеса с ободами. Послышался визг металла, брызнули искры, и облако пыли и кусочков цемента поднялось в воздух. Пилотам поистине чудом удалось удержать аэробус на полосе. Казалось, самолет катился еще бесконечно долго и далеко. Наконец он остановился, и в небо взметнулось пламя.

Пожарные машины быстро окружили самолет и буквально через несколько секунд стали поливать пеной. Она вздымалась гигантскими горами, словно выжатый из тюбика крем для бритья. Огонь снаружи удалось потушить.

В самолете распахнулись двери, на землю выпали спасательные трапы. Из правой передней двери огонь не позволял выйти, как и из двери в середине фюзеляжа. Тогда открылась левая передняя дверь, где огня не было, а вслед за ней и дверь в середине фюзеляжа. По трапам заскользили вниз пассажиры.

Однако в хвосте самолета, где было по два запасных выхода с каждой стороны, ни одна дверь не открылась.

Из трех раскрытых дверей валил густой дым. Несколько пассажиров уже стояли на земле. Последние из спустившихся кашляли, многих рвало, все судорожно ловили ртом воздух.

Пожарные в серебряных защитных костюмах, с аппаратами для дыхания, быстро приставили лестницы к неоткрывшимся задним дверям. Наконец их удалось открыть, и из аэробуса повалил дым. Пожарные ринулись внутрь. Другие, проникнув в аэробус через передние двери, помогали пассажирам выйти, так как некоторые были слишком слабы или почти без сознания.

Поток пассажиров стал значительно меньше. Гарри Партридж быстро прикинул, что из самолета вышло около двухсот человек, хотя по полученной информации он знал, что вместе с командой там находилось 297 человек. Пожарные стали выносить обгоревших – среди них были две стюардессы. Изнутри все еще шел дым, хотя и не так сильно, как раньше.

Минь Ван Кань продолжал снимать все происходящее – бесстрастно, профессионально, сознавая, правда, что он тут единственный оператор и что его аппарат делает совершенно уникальные съемки. Пожалуй, со времен гибели «Гинденбурга» ни одна воздушная авария не была зафиксирована на пленке так, как это происходило сейчас.

Кареты «скорой помощи» стояли у командного пункта. Их было с десяток, и подъезжали все новые. Санитары помогали пострадавшим, укладывали их на пронумерованные носилки и загружали в кареты «скорой помощи». Через несколько минут жертвы аварии будут уже на пути в местные больницы, которые оповещены об их прибытии. Прилетел вертолет с врачами и медсестрами, и командный пункт возле аэробуса превратился в импровизированный полевой госпиталь, где происходила сортировка раненых.

«Как быстро все делается, – подумал Партридж. – Это означает, что в аэропорту хорошо поставлена служба помощи при авариях». Он слышал, как капитан пожарной команды докладывал, что около ста девяноста пассажиров вышли из аэробуса и живы. Однако оставалось еще сто пассажиров, о которых ничего не было сказано.

Один из пожарных, стянув с лица противогаз, чтобы вытереть пот, произнес:

– О господи! На задних сиденьях одни покойники. Видно, дым там был самый густой.

Теперь ясно стало, почему четыре задние двери не открылись изнутри.

Как всегда при авариях, погибших не трогают до тех пор, пока не явится представитель Национальной транспортной службы безопасности – судя по слухам, он уже выехал в аэропорт, – и, договорившись о процедуре опознания, не разрешит убрать трупы.

Из аэробуса вышла команда, категорически отказавшись от предложенной помощи. Капитан, седеющий ветеран с четырьмя нашивками, окинул взглядом раненых и, уже зная, сколько людей погибло, без стеснения заплакал. Догадываясь, что, несмотря на количество жертв, пилотов будут хвалить за то, что они сумели посадить самолет, Минь снял крупным планом сраженного горем капитана. Это был его последний снимок, ибо тут раздался голос:

– Гарри! Минь! Кен! Хватит! Быстро! Забирайте, что у вас есть, и поехали. Передаем материал в Нью-Йорк через сателлит.

Голос принадлежал Рите Эбрамс, подъехавшей на автобусе Бюро информации. В отдалении стоял обещанный фургон с передвижным сателлитом. Диск его, складывающийся как веер во время переездов, сейчас был раскрыт и нацелен в небо.

Повинуясь указанию Риты, Минь опустил камеру. Вместе с Ритой на автобусе приехали еще две группы телевизионщиков – одна из филиала Си-би-эй, – а также газетные репортеры и фотографы. Минь понял, что они – и не только они – будут освещать развитие событий. Но лишь у Миня была заснята аварийная посадка аэробуса, и он с гордостью сознавал, что и сегодня, и в ближайшие дни его «картинки» обойдут весь мир и останутся свидетельствами для истории.

Вернон подвез Партриджа на своем «универсале» к фургону с сателлитом. По пути тот уже начал набрасывать текст выступления.

– Сделай текст на минуту сорок пять секунд, – сказала ему Рита. – Как только будешь готов, включай звук, тебя дадут крупным планом. А я пока начерно передам сообщение в Нью-Йорк.

Партридж кивнул, и Рита посмотрела на часы – было 17.45 по местному времени, или 18.45 в Нью-Йорке. Оставалось пятнадцать минут до первого блока «Вечерних новостей».

Тем временем Партридж продолжал писать, перечитывая про себя, исправляя уже написанное. Минь вручил две бесценные кассеты Рите и вставил новую кассету в камеру, готовясь к тому моменту, когда Партридж включит звук и надо будет снять его крупным планом.

Вернон высадил их у фургона с сателлитом. Бродерик, который тоже был с ними, ехал в аэровокзал, чтобы передать свое сообщение в Нью-Йорк по телефону.

– Спасибо, ребята, – сказал он на прощание. – Помните, если захотите завтра прочесть действительно проникновенное описание события, купите «Нью-Йорк таймс».

О’Хара, помешанный на технике, с восторгом разглядывал оборудование фургона с сателлитом.

– До чего же я обожаю этих крошек!

Смонтированный на корпусе фургона диск пятнадцати футов шириной был сейчас полностью раскрыт и подключен к двадцатикиловаттному генератору. В фургоне, в тесной аппаратной, оборудованной монтажными столами и машинами для передачи материала, стоявшими друг на друге, один из двух техников подстраивал передатчик на волну сателлита «Спейснет-2», находившегося на расстоянии 22 300 миль над ними. Все, что они передадут, будет принято на сателлите импульсным приемопередатчиком-21 и мгновенно ретранслировано в Нью-Йорк, где и будет записано.

Тем временем Рита, стоя в фургоне рядом с техником, ловко монтировала пленку Миня, просматривая ее на телемониторе. «Ничего удивительного, – думала она, – «картинки», как всегда, великолепные».

В нормальных условиях выпускающий и редактор передачи, работая вместе, отбирают из пленки определенные куски, затем накладывают на них звуковую дорожку с комментариями корреспондента и из всего этого составляют готовый к выходу в эфир материал. Но на такой процесс требовалось минут сорок пять, а иногда и больше, и сегодня это абсолютно исключалось. Рите приходилось решать быстро, и она отобрала несколько наиболее драматичных сцен…

А Партридж, сидя на металлических ступеньках фургона, дописал свой текст и, посовещавшись с Минем и звукооператором, наговорил его на пленку.

Учитывая, что в Нью-Йорке будет еще вступление ведущего с изложением основных фактов, Партридж начал так:

«В давно отгремевшей войне пилоты называли это «посадкой с молитвой на одно крыло». Была даже такая песенка… Сейчас вряд ли кто-либо станет такую писать.

Аэробус компании «Маскигон», летевший из Чикаго… с почти полной загрузкой пассажиров… находился в шестидесяти милях от далласского аэропорта Форт-Уорт… когда в воздухе произошло столкновение…»

Партридж, как и положено опытному телекорреспонденту, описывал все «чуть иначе, чем на «картинке»». Это особая форма репортажа, которой нелегко научиться, и на телевидении есть сотрудники, которые так и не сумели ею овладеть. Даже профессиональные писатели признают, что это требует мастерства, так как текст лишь дополняет «картинку», а без нее читается плохо.

Фокус – как знал Гарри Партридж и другие профессионалы его класса – состоял в том, чтобы не описывать изображаемое на экране. Человек, сидящий у телевизора, сам увидит, что происходит, ему не нужны словесные описания. В то же время текст не должен быть абстрактным, чтобы не отвлекать внимание зрителя. Словом, это настоящая литературная эквилибристика, основанная в значительной степени на инстинкте.

Было на телевидении еще одно правило, которому следовали работающие с новостями корреспонденты: не писать законченными предложениями и абзацами. Куда доходчивее, если текст идет отрывистый. Факты должны быть неукоснительно изложены, глаголы выбраны сильные и действенные – текст

должен звенеть. И наконец, манерой изложения и интонацией корреспондент способствует лучшему пониманию содержания. Да, безусловно, он или она должны быть не только отличными репортерами, но еще и актерами. Во всем этом Партридж был большим докой, но сегодня он находился в крайне невыгодном положении: он же не видел «картинок», а корреспондент обычно их видит. Правда, он более или менее знал, что они будут изображать.

Выступление Партриджа заканчивалось крупным планом – он стоял лицом к зрителям и говорил прямо в аппарат. А за его спиной возле поврежденного аэробуса продолжали суетиться люди.

«Рассказ о случившемся будет продолжен – мы сообщим детали трагедии, количество погибших и раненых. Но уже сейчас ясно, что число столкновений в воздухе – на авиатрассах в наших перегруженных небесах – возрастает.

Гарри Партридж. «Новости» Си-би-эй из далласского аэропорта Форт-Уорт».

Кассета с рассказом Партриджа и его крупным планом была передана Рите в фургон. И, отлично зная и доверяя Партриджу, она не стала терять драгоценное время на проверку и велела тут же передать пленку в Нью-Йорк. А мгновение спустя, глядя и слушая пленку, когда техник передавал ее, Рита восхитилась Партриджем. Ей вспомнился разговор, который полчаса назад они вели в баре аэровокзала, и она подумала, что этим материалом Партридж показал, какой он талантливый и почему он получает намного больше репортера «Нью-Йорк таймс».

А Партридж выполнял на улице еще одну из обязанностей корреспондента – давал по своим записям репортаж о событии для «Новостей» по радио. После того как передадут материал для телевидения, сателлит передаст и этот репортаж Партриджа в Нью-Йорк.

3

Отдел новостей Си-би-эй в Нью-Йорке помещался в простом, неприметном восьмиэтажном кирпичном доме в восточной части Манхэттена. От находившейся здесь раньше мебельной фабрики осталась лишь коробка, внутренность же ее многократно переделывалась и перестраивалась

различными подрядчиками. В результате получился лабиринт из коридоров, в которых посетители без сопровождающего легко могли заблудиться.

Несмотря на внешне неприглядный вид, здание это хранило в своих стенах поистине феерическое богатство – сложнейшую электронику, значительная часть которой находилась там, где властвовали техники, двумя этажами ниже уровня земли; называлось это место частенько Катакомбами. И среди многообразия выполнявшихся здесь функций был один важнейший отдел с прозаическим названием «Однодюймовка».

Все материалы от групп Си-би-эй со всего света поступали в «Однодюймовку» через сателлит, а иногда по наземной связи. А оттуда все окончательно обработанные записи новостей шли в аппаратную и снова через сателлит – к зрителям.

Работа в «Однодюймовке» требовала огромного напряжения всей нервной системы, невероятных усилий, умения мгновенно принимать решения и тотчас давать указания – особенно перед выходом в эфир и во время передачи «Вечерних новостей на всю страну».

В это время человек сторонний, заглянувший в помещение, мог решить, что там царит полнейший бедлам. Впечатление это усугублялось тем, что в комнате всегда был полумрак, необходимый, чтобы видеть изображение на целом лесе телеэкранов.

На самом же деле работа в «Однодюймовке» идет гладко, быстро и умело. Ошибки здесь – это гибель. И они редко случаются.

Главное происходит на полудюжине магнитофонов с большими мудреными бобинами, установленных на консолях с телемониторами над ними; эти записывающие аппараты заряжены однодюймовой магнитной лентой, сверхпрочной и высочайшего качества. У каждой консоли сидит опытный монтажер, который принимает материал, монтирует его и быстро передает куда нужно. Монтажеры – люди более зрелого возраста, чем остальные работники в этом здании, – выглядят весьма своеобразно: они намеренно небрежно одеваются и шумно ведут себя. По этой причине один комментатор назвал их как-то «телепилотами-истребителями».

Каждый рабочий день, приблизительно за час до начала передачи «Вечерних новостей на всю страну», старший выпускающий спускается со своего места за «подковой» на пять этажей и командует в «Однодюймовке» монтажерами. Там, громко отдавая указания и размахивая, точно дирижер, руками, он просматривает материал для текущего выпуска «Вечерних новостей» и в случае необходимости дает указание еще раз его отредактировать, а также держит своих коллег за «подковой» в курсе того, что уже поступило и как на первый взгляд это выглядит.

Такое впечатление, что материалы поступают сюда всегда в спешке и с опозданием. Так уж повелось, что выпускающие, корреспонденты и редакторы работают над пленкой, отполировывая свои куски до последней минуты, а потому бо2льшая часть передачи поступает в «Однодюймовку» в течение получаса, предшествующего эфиру, или даже когда передача уже началась. Бывали случаи, когда первая половина сообщения уже передавалась с одного аппарата в эфир, а вторая еще только наматывалась на бобину другого. В такие минуты вспотевшие, нервничающие монтажеры до предела напрягали все свое умение.

Старшим выпускающим тут частенько был Уилл Казазис, родившийся в Бруклине в весьма эмоциональном греческом семействе, от которого он и унаследовал эту черту. Однако его эмоциональность, похоже, вполне соответствовала своеобразию выполняемой работы; при этом, несмотря на такое свойство характера, Казазис никогда не терял самообладания. В этот день именно он получил через сателлит передачу Риты Эбрамс из аэропорта Форт-Уорт – сначала «грязные» и наспех сделанные «картинки» Минь Ван Каня, затем «звуковую дорожку» Гарри Партриджа и его изображение крупным планом.

Было 18.48 – оставалось десять минут до начала «Новостей». В эфире шла реклама.

Казазис бросил монтажеру, принявшему материал:

– Живо склей. Используй всю звуковую дорожку Партриджа и наложи самые лучшие «картинки». Я тебе доверяю. А ну, давай, давай, давай!

Сам же Казазис уже послал на «подкову» помощника с сообщением о том, что из Далласа начал поступать материал. И сейчас же Чак Инсен, находившийся в

аппаратной, спросил по телефону:

– Как материал?

Казазис ответил:

– Фантастика! Роскошь! То, чего и следовало ожидать от Гарри и Миня.

Зная, что у него нет времени самому просмотреть материал, и доверяя Казазису, Инсен решил:

– Даем в эфир сразу после рекламы. Будь наготове.

До эфира оставалось меньше минуты, монтажер, обливаясь потом, несмотря на кондиционер, продолжал склеивать материал, соединяя воедино комментарии, зрительный и звуковой ряды.

Приказ Инсена был передан и ведущему, а также сидевшему рядом с ним текстовику. Вводка была уже готова, и текстовик передал листок Кроуфорду Слоуну, который, пробежав его глазами, быстро изменил одно-два слова. А через мгновение на «экране-подсказке» вместо начальных слов следующего сюжета перед ведущим появился текст о событии в далласском аэропорту. В студии, где заканчивался выпуск рекламы, режиссер начал отсчет:

– Десять секунд… пять… четыре… две…

Вот он махнул рукой, и Слоун начал:

«В начале этой передачи мы уже сообщали, что неподалеку от Далласа в воздухе произошло столкновение между аэробусом компании «Маскигон» и частным самолетом. Частный самолет разбился. В живых не осталось никого. А горящий аэробус совершил аварийную посадку в далласском аэропорту Форт-Уорт несколько минут назад; есть тяжело пострадавшие. На месте события находится наш корреспондент Гарри Партридж, и он только что прислал нам свой горящий репортаж».

В «Однодюймовке» лихорадочная склейка материала завершилась всего за несколько секунд до эфира. И теперь на мониторах по всему зданию и на миллионах телеэкранов на Востоке и Среднем Западе Соединенных Штатов, а также в Канаде появилась драматическая «картинка» приближающегося горящего аэробуса, и послышался голос Партриджа:

«В давно отгремевшей войне пилоты называли это «посадкой с молитвой на одно крыло»…»

Этот репортаж вместе с «картинками» и составил первый блок «Вечерних новостей на всю страну».

Сразу за первым блоком пойдет второй. Так всегда бывало, и он передавался на Восточном побережье телестанциями, не успевшими принять первый блок, широко принимался на Среднем Западе и большинством станций Западного побережья, которые запишут второй блок и позже передадут его в эфир.

В начале второго блока пойдет, конечно, репортаж Партриджа из далласского аэропорта, и хотя конкурирующие станции к этому времени, возможно, уже получат постсобытийные «картинки» для своего второго блока, во всем мире только Си-би-эй будет обладать «картинками» в момент события, которые будут не раз передаваться в последующие дни.

Между окончанием первого блока и началом второго было две минуты, и Кроуфорд Слоун воспользовался этим перерывом, чтобы позвонить Чаку Инсену.

– Послушай, – сказал Слоун, – я считаю, надо вернуть на место материал о Саудовской Аравии.

– Я знаю, – не без сарказма ответил Инсен, – кто-кто, а ты нажимать умеешь. Но в таком случае устрой нам пять минут дополнительного времени, хорошо?

– Нечего играть в бирюльки. Это важный материал.

– И такой же тягучий, как нефть. Я говорю «нет».

– А имеет значение то, что я говорю «да»?

– Безусловно, имеет. Поэтому мы поговорим об этом завтра. А пока я тут все-таки кое за что отвечаю.

– Что не исключает, а, вернее, должно включать разумное отношение к международным новостям.

– У каждого из нас свои обязанности, – сказал Инсен, – и время для твоего материала истекает. Да, кстати, ты отлично сработал с Далласом – и тут и там.

Слоун, никак на это не отреагировав, повесил трубку. И, вспомнив о чем-то, сказал сидевшему рядом текстовику:

– Попроси кого-нибудь вызвать Гарри Партриджа к телефону в Далласе. Я поговорю с ним во время следующего перерыва. Хочу поблагодарить его и остальных.

– Пятнадцать секунд! – раздался голос режиссера.

«Да, – решил про себя Слоун, – завтра надо будет провести разговор с Инсеном – разговор откровенный. Инсен, пожалуй, уже пересидел, пора ему уходить».

А Чак Инсен – по окончании второго блока «Новостей» – хмурый, с поджатыми губами, зашел к себе в кабинет, чтобы взять с десяток журналов, которые он вечером читал дома.

Читать, читать, читать, быть в курсе событий на множестве фронтов являлось обязанностью ответственного выпускающего. Где бы он ни находился и какой бы ни был час дня, Инсен хватал газету, журнал, бюллетень, публицистическую книгу, а иногда какую-нибудь совсем неизвестную публикацию, как другие хватают чашку кофе, носовой платок или сигарету. Он часто просыпался ночью и читал или слушал новости, передаваемые зарубежными радиостанциями. Дома с помощью личного компьютера он получал все основные новости телеграфных агентств и каждое утро в пять часов все их просматривал. По дороге на работу он слушал в машине «Известия» по радио – главным образом станцию Си-би-эс, чьи радиопередачи считал, как и многие профессионалы, наилучшими.

По мнению Инсена, именно широкое знакомство с «ингредиентами» новостей и темами, которые интересуют простых людей, и позволяло ему судить о том, что следует давать в эфир, с большей компетентностью, чем Кроуфорду Слоуну, который часто рассуждал с элитарных позиций.

У Инсена была своя философия насчет миллионов телезрителей, которые смотрят «Вечерние новости на всю страну». Большинство телезрителей, по его мнению, жаждут получить ответ на три основных вопроса: «Спокойно ли в мире? Могу ли я быть спокойным за свой дом и свою семью? Произошло ли сегодня что-то интересное?» И Инсен старался, чтобы «Новости» каждый вечер давали ответ прежде всего на эти вопросы.

«Устал я до смерти, – со злостью думал Инсен, – сражаться со Слоуном, державшимся позиции «Я – знаю – все – лучше – всех», «Я – святее – самого – папы» при отборе новостей». Поэтому завтра они выскажут друг другу все без обиняков: Инсен скажет то, что он сейчас по этому поводу думает, и плевал он на последствия.

А какие могут быть последствия? Ну, в прошлом, когда возникал спор между ведущим и ответственным за выпуск, побеждал неизменно ведущий, а выпускающему приходилось искать себе другую работу. Но сейчас многое стало меняться. Возник другой климат, да к тому же рано или поздно с чего-то все начинается, и ведущий может уйти, а выпускающий остаться.

Имея в виду такую возможность, Инсен несколько дней назад провел разведку и строго конфиденциально поговорил по телефону с Гарри Партриджем. Согласился бы Партридж, спросил Инсен, «уйти с холода», обосноваться в Нью-Йорке и стать ведущим «Вечерних новостей на всю страну»? При желании Гарри способен был заставить себя слушать и вполне мог подойти для этой роли – он ведь не раз уже демонстрировал свои способности, замещая Слоуна, когда тот уходил в отпуск.

Реакцией Партриджа было изумление и неуверенность, но по крайней мере он не сказал «нет». Кроуф Слоун, конечно, ничего не знал об этом разговоре.

Так или иначе, Инсен был уверен: хватит до бесконечности препираться со Слоуном – надо разрубить этот узел.

4

Было 19.40, когда Кроуфорд Слоун на «бьюике-сомерсет» выехал из гаража Си-би-эй. По обыкновению, он взял машину Си-би-эй, которая полагалась ему по контракту, – он мог бы ехать с шофером, если бы захотел, но бо2льшую часть времени обходился без него. Свернув с Третьей авеню на Пятьдесят девятую улицу, он поехал на восток, в направлении шоссе Франклина Делано Рузвельта, продолжая думать о только что окончившейся передаче.

Сначала он думал об Инсене, а потом решил выбросить все мысли о нем до завтра. Слоун нимало не сомневался в своей способности справиться с Инсеном и помочь его передвинуть – возможно, в кресло вице-президента компании, что, несмотря на звучный титул, будет понижением по сравнению с работой в «Вечерних новостях на всю страну». Слоуну ни на минуту не приходило в голову, что может произойти обратное. Если бы кто-то высказал такое предположение, он бы только рассмеялся.

Он стал думать о Гарри Партридже.

Для Партриджа, вынужден был признать Слоун, этот наскоро сработанный, но превосходный репортаж из Далласа был еще одной ступенькой в его и без того успешной профессиональной карьере. Слоун нашел Партриджа в аэропорту по телефону и поздравил с успехом, попросив передать поздравления Рите, Миню и О’Харе. Это была естественная благодарность со стороны ведущего – так сказать, noblesse oblige[2 - положение обязывает (фр.).], – хотя в отношении Партриджа Слоун сделал это без великого восторга. Поэтому в речи Слоуна чувствовалась напряженность, как это бывало в разговорах с ним. Партридж же был абсолютно раскован, хотя голос у него и звучал устало.

Сейчас, мчась в машине и находясь наедине с собой, Слоун совершенно честно спросил себя: «Как я все-таки отношусь к Гарри Партриджу?» И со всей честностью ответил: «При нем я не чувствую себя в безопасности».

И вопрос, и ответ имели свое объяснение в недавнем прошлом.

Эти двое знали друг друга свыше двадцати лет – столько времени они работали в «Новостях» Си-би-эй, почти одновременно поступив на службу. Карьера у обоих с самого начала складывалась успешно, но по характеру они были совсем

разные.

Слоун был педантичный, требовательный, безупречный в одежде и речи; он любил власть и, естественно, пользовался ею. Младшие сотрудники, обращаясь к нему, говорили «сэр» и пропускали в дверях впереди себя. С малознакомыми людьми он склонен был держаться холодно и суховато, но его острый ум все подмечал – как сказанное, так и оставшееся в подтексте.

Партридж же, наоборот, был со всеми запанибрата, ходил в мятой одежде, обожал старые твидовые пиджаки и редко надевал костюм. Он умел располагать к себе, держался со всеми как равный, отчего людям всегда было с ним легко; нередко создавалось впечатление, что он ничем не дорожит, хотя это было с его стороны уловкой. В своей журналистской карьере Партридж довольно рано понял, что сможет выяснить куда больше, если не будет изображать из себя важную «шишку» и обнаруживать свой удивительно острый ум.

Разными были эти двое и по происхождению.

Кроуфорд Слоун был выходцем из кливлендской семьи среднего достатка и первую стажировку на телевидении прошел в Кливленде. А Гарри Партридж прошел школу в Отделе новостей Си-би-эс в Торонто, а до того работал диктором – читал «Новости» и погоду на маленьких радио- и телестанциях в Западной Канаде. Родился он в провинции Альберта, недалеко от Калгари, в селении под названием Де-Уинтон, где у его отца была ферма.

Слоун окончил Колумбийский университет. А Партридж не окончил даже средней школы, но, работая в мире новостей, быстро получил образование.

Долгое время на Си-би-эй их карьеры развивались параллельно – в результате на них стали смотреть как на соперников. Сам Слоун тоже считал Партриджа соперником, даже представлявшим опасность его продвижению вперед. Он, правда, не был уверен, считал ли так Партридж.

Особенно сильное соперничество возникло между ними, когда оба вели репортажи с полей войны во Вьетнаме. Телестанция послала их туда в конце 1967 года – предполагалось, что они будут работать вместе, и в известном смысле так оно и было. Правда, Слоун смотрел на войну лишь как на бесценную возможность продвинуться по службе – уже тогда он явно нацеливался на место

ведущего «Вечерних новостей на всю страну».

Слоун знал, что весьма существенную роль в этом продвижении могло сыграть возможно более частое появление на экране в «Вечерних новостях». Поэтому вскоре после прибытия в Сайгон он решил не слишком удаляться от «Восточного Пентагона» – штаб-квартиры военного командования США во Вьетнаме, находившейся на воздушной базе в пяти милях от Сайгона.

Даже после стольких лет Слоун хорошо помнил разговор, который произошел однажды между ним и Партриджем.

– Кроуф, – заметил тот, – ты никогда не поймешь ничего в этой войне, если будешь только ходить в сайгонский Цирк или околачиваться в «Каравелле».

«Цирком» пресса прозвала пресс-конференции, устраиваемые военными, а «Каравеллой» – отель, в бассейне которого любили плавать корреспонденты-международники, старшие офицеры и сотрудники американского посольства.

– Если ты говоришь о риске, – запальчиво возразил Слоун, – то я готов на него идти не меньше, чем ты.

– Забудь про риск. Мы все тут рискуем. Я говорю о глубине материала. Я хочу поглубже вникнуть и понять эту страну. Мне хочется хотя бы на время избавиться от военных, не таскаться по огневым точкам, не передавать репортажи о «пах-пах», которые ждет от нас начальство. Это просто. А если уж рассказывать про военные дела, то я хочу быть на передовой, чтобы сообщать не то, о чем нас оповещает пресс-служба американской разведки, а то, что я сам видел.

– Для этого, – заметил Слоун, – тебе придется уезжать на целые дни, а порой и недели.

Это замечание явно позабавило Партриджа.

– Я так и думал, что ты мигом сообразишь. Уверен, ты уже прикинул, что мое намерение так работать позволит тебе почти каждый вечер появляться в «Новостях».

Слоуну было не очень приятно, что Партридж без труда разгадал его замысел, хотя именно так он и собирался себя вести.

Никто не может сказать, что Слоун плохо работал во Вьетнаме. Он хорошо работал и при этом рисковал. Ему случалось отправляться с поручениями в места, где действовали вьетконговцы, порой он попадал под огонь и в минуты опасности думал с вполне естественным страхом: «А удастся ли вернуться живым?»

Живым он всегда возвращался и редко отсутствовал в Сайгоне больше двадцати четырех часов, привозя драматические «картинки» боев и интересные рассказы о сражающихся молодых американцах, то есть материал, который ждал Нью-Йорк.

Ловко следуя намеченному плану, Слоун не слишком усердствовал в опасных ситуациях и, как правило, оказывался под рукой, когда в Сайгоне устраивались пресс-конференции дипломатов и военных, где в ту пору всегда можно было почерпнуть что-то интересное. Лишь много позже станет ясно, какими поверхностными были материалы Слоуна и сколь много внимания он уделял драматическим «картинкам», не заботясь дать продуманный анализ, а порой и греша против правды. Но когда это стало ясно, для Кроуфорда Слоуна сие уже не имело значения.

В общем и целом замысел Слоуна сработал. Он всегда внушительно выглядел перед камерой, а тем более – во Вьетнаме. Он стал любимцем выпускающих не только на нью-йоркской «подкове» и потому часто появлялся в «Вечерних новостях» – порой по три или четыре раза в неделю. А это создавало корреспонденту определенную репутацию как у телезрителей, так и у тех, кто принимал решения в главном здании Си-би-эй.

Гарри же Партридж придерживался своих правил игры и действовал совсем иначе. Он выискивал более глубинные явления, требовавшие времени для изучения и заводившие его вместе с оператором в дальние уголки Вьетнама. Он стал специалистом по военной тактике и американцев, и вьетконговцев и понимал, почему ни та ни другая порой не срабатывали. Он изу-чал соотношение сил, выезжал на передовые, собирая факты об эффективности наземных и воздушных атак, о жертвах, а также о положении в тылу. Некоторые его сообщения противоречили официальным отчетам военных из Сайгона, другие подтверждали их, и это-то – беспристрастное суждение об американских

военных операциях – выделяло Партриджа и горстку ему подобных из общей массы корреспондентов, работавших во Вьетнаме.

Репортажи о войне во Вьетнаме к тому времени носили в основном негативный и недоброжелательный характер. Молодые журналисты – многие из них симпатизировали тем, кто на родине выступал против войны, – с недоверием, а порой и с презрением относились к американским военным, и большинство средств массовой информации отражало именно такую точку зрения. Примером тому может служить описание наступления противника под Тетом. Средства массовой информации единодушно объявили, что под Тетом был разгром, полная победа коммунистов, а два десятилетия спустя это было опровергнуто более спокойными исследователями.

Гарри Партридж был в числе тех, кто в ту пору сообщал, что американские войска под Тетом сражались куда лучше, чем говорили, а противник преуспевал куда меньше и в ряде случаев не сумел достичь своей цели. Вначале старшие выпускающие за «подковой», подвергнув сомнению его репортажи, намеревались их отложить. Но в ходе обсуждения верх взяла репутация Партриджа, славившегося точностью и достоверностью представляемой информации, и большая часть его репортажей пошла в эфир.

Среди репортажей Партриджа, не дошедших до эфира, был материал с критикой в адрес уважаемого Уолтера Кронкайта, который тогда работал ведущим на Си-би-эс, за его негативный взгляд на ход событий.

Кронкайт, ведя репортаж из Вьетнама в специальном выпуске Си-би-эс, посвященном боям под Тетом, заявил, что «кровавая бойня во Вьетнаме… заходит в тупик» и что «на каждую нашу попытку эскалации противник отвечает тем же».

И далее: «Сказать, что мы сегодня ближе к победе… – значит присоединиться к оптимистам, которые уже ошибались в прошлом». Поэтому Кронкайт призывал Америку «вести переговоры не с позиции победителей, а с достоинством, как люди, показавшие, что они способны защищать демократию и по мере сил всегда старались это делать».

Учитывая источник, это убежденно высказанное мнение, сопровождавшееся честно переданной информацией, имело огромное воздействие и, как сказал

один комментатор, «придало силу и обоснованность антивоенному движению». Президент Линдон Джонсон якобы сказал, что, потеряй он Кронкайта, он потерял бы страну.

Партридж, проинтервьюировав целый ряд людей на месте, дал понять, что Кронкайт не только ошибается, но что он, прекрасно зная о своем влиянии и власти, выступил, по словам одного интервьюируемого, «как неизбранный президент и вопреки собственным утверждениям о беспристрастности журналистов».

Когда материал Партриджа поступил в Нью-Йорк, его обсуждали не один час, и он дошел до самых высоких эшелонов в Си-би-эй, прежде чем было решено, что выпад против такой фигуры, как отец журналистики Уолтер Кронкайт, окончится безвыигрышным гамбитом. Однако неофициально репортаж Партриджа был размножен и распространен среди людей, причастных к теленовостям.

Выезды Партриджа в районы тяжелых боев удерживали его обычно вдали от Сайгона целые недели, а то и больше. Как-то раз, тайно пробравшись в Камбоджу, Партридж отсутствовал почти месяц.

Но всякий раз он возвращался с очень сильным материалом; о некоторых его репортажах, отличавшихся особой глубиной прозрения, вспоминали даже после войны. Словом, никто, включая Кроуфорда Слоуна, никогда не ставил под сомнение, что Партридж был превосходным журналистом.

К сожалению, поскольку его материалов было меньше и они появлялись реже, чем репортажи Слоуна, Партриджа не заметили в той мере, как его коллегу.

Было во Вьетнаме и еще кое-что, что повлияло на будущее Партриджа и Слоуна. Это была Джессика Кастильо. Джессика…

Кроуфорд Слоун почти машинально вел «бьюик» – ведь он дважды в день проделывал этот путь – и теперь свернул с Пятьдесят девятой улицы на Йорк-авеню. Через несколько кварталов он свернул направо, к выезду на Рузвельт-драйв. Помчавшись вдоль Ист-ривер, где не было перекрестков и светофоров, он увеличил скорость. До его дома в Ларчмонте, расположенном к северу от Нью-Йорка, на берегу пролива Лонг-Айленд, ехать оставалось еще полчаса.

Слоун увеличил скорость, и следовавший за ним синий «форд-темпо» тоже поехал быстрее.

Как обычно в это время дня, Слоун расслабился, и мысли его снова вернулись к Джессике… которая в Сайгоне была подругой Гарри Партриджа… а потом вышла замуж за него, Кроуфорда Слоуна.

В ту пору во Вьетнаме Джессике было двадцать шесть лет, это была тоненькая девушка с длинными каштановыми волосами, живым умом и при случае острым язычком. Она не разрешала вольностей журналистам, с которыми имела дело, будучи младшим сотрудником Информационного агентства США.

Агентство помещалось на Ле-Ки-Дон-стрит, в окруженной деревьями «Библиотеке Линкольна», где в свое время был театр «Рекс», и название театра так и продолжало висеть на здании, пока там находилось Информационное агентство. Корреспонденты порой заглядывали туда с разными вопросами чаще, чем нужно, лишь бы поболтать с Джессикой.

Их внимание забавляло Джессику. Но в то время, когда Кроуфорд Слоун познакомился с ней, ее расположением пользовался прежде всего Гарри Партридж.

Даже и сейчас, думал Слоун, не все ему известно о том, какие отношения существовали в ту пору между Партриджем и Джессикой, – осталось что-то, о чем он никогда не спрашивал и чего теперь никогда уже не узнает. Но то, что определенные двери закрылись больше двадцати лет назад и с тех пор никогда не открывались, не мешало ему – и не помешает – раздумывать о подробностях интимных отношений между женой и Партриджем в то время.

5

Джессику Кастильо и Гарри Партриджа потянуло друг к другу в первую же их встречу во Вьетнаме – хотя встретились они далеко не дружески. Партридж отправился в Информационное агентство США за информацией о широко распространенном среди американских войск во Вьетнаме употреблении наркотиков. Но американские военные отказались это подтвердить.

Во время своих поездок на передовые Партридж видел немало свидетельств тому, что употреблялся героин и было его сколько угодно. Партридж попросил Отдел новостей Си-би-эй сделать официальный запрос и узнал, что в госпитали для ветеранов поступает всевозрастающее, поистине пугающее число наркоманов из Вьетнама. Это становилось проблемой уже не только для военных, но и для всей страны.

Нью-йоркская «подкова» дала зеленый свет для разработки этого сюжета, но официальные органы перекрыли все шлюзы, не предоставляя информации.

Когда Партридж зашел к Джессике в ее крошечный кабинетик и заговорил об этом, она отреагировала, как все официальные лица до нее:

– Извините. Я не могу с вами говорить на эту тему.

Ее ответ задел Партриджа, и он с неодобрением заметил:

– Вы хотите сказать, что не станете говорить со мной об этом, потому что вам велено кое-кого прикрывать. Речь, видимо, идет о после – это может поставить его в сложное положение?

Джессика покачала головой:

– Я и на этот вопрос не могу ответить.

Разозлившись, Партридж не стал ее жалеть.

– Значит, вы хотите сказать, что здесь, в этом уютном кабинетике, вам наплевать на то, что ребята там, в джунглях, трясутся от страха, страдают, а потом – за неимением лучшего – губят себя наркотиками, становятся рабами героина?

– Ничего подобного я не говорила, – возмутилась она.

– Да нет, именно это вы и сказали. – Голос Партриджа был полон презрения. – Вы сказали, что не станете говорить о том, что прогнило и воняет и что необходимо проветрить на публике, чтобы люди знали: есть проблема и как-то надо ее

решать. Ведь сюда приезжают все новые зеленые юнцы – их надо предупредить, и тогда, возможно, удастся спасти. Как вы считаете, кого вы оберегаете, леди? Уж конечно, не ребят, которые ведут бои, не тех, кто этого заслуживает. Вы называетесь сотрудником по информации. Так вот, я называю вас сотрудником по сокрытию информации.

Джессика вспыхнула. Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали, и глаза ее засверкали от гнева. На столе стояло хрустальное пресс-папье, и она крепко вцепилась в него. На секунду Партриджу показалось, что она сейчас швырнет пресс-папье ему в голову, и он уже собрался пригнуться. Но Джессика справилась с гневом и спокойно произнесла:

– Что конкретно вы хотите знать?

Партридж постарался ответить ей так же спокойно:

– Главным образом статистику. Я знаю, что у кого-то она есть – ведется ведь учет, проведены обследования.

Жестом, который стал ему потом таким знакомым и любимым, она отбросила на спину каштановые волосы.

– Вы знаете Рекса Талбота?

– Да.

Талбот был молодым американцем, служившим вице-консулом в посольстве на улице Тонг-Нгут, в нескольких кварталах от того места, где они находились.

– Так вот, попросите его рассказать вам о проекте МАКВ, доклад Нострадамус.

Несмотря на всю свою серьезность, Партридж улыбнулся. «Интересно, – подумал он, – кто мог придумать такое название?»

– Вам не обязательно говорить Рексу, что это я послала вас, – продолжала Джессика. – Пусть думает, что вы об этом знаете…

– …немного больше, чем на самом деле, – закончил он за нее. – Это старый журналистский трюк.

– Того же рода, что вы сейчас использовали со мной.

– Вроде, – с улыбкой признался он.

– Я сразу это поняла, – сказала Джессика. – Я просто не стала к вам придираться.

– А вы не такая бессердечная, как я думал, – сказал он ей. – Не хотите поподробнее поговорить на эту тему сегодня за ужином?

К собственному удивлению, Джессика приняла приглашение.

А когда они встретились, то обнаружили, что получают удовольствие от общества друг друга, и за этой встречей последовало много других. Правда, на удивление долго их встречи не выходили за те рамки, которые, со свойственной ей прямотой, с самого начала установила Джессика.

– Я хочу, чтобы вы поняли, что, как бы люди здесь себя ни вели, я – не легкая добыча. Если я ложусь с кем-то в постель, то лишь с человеком, который много значит для меня, а я – для него, так что не говорите, будто я вас не предупредила.

Из-за поездок Партриджа в разные районы Вьетнама они, случалось, подолгу не виделись.

Но неизбежно настал момент, когда желание возобладало над обоими.

Они ужинали в «Каравелле», где жил Партридж. После ужина в саду отеля, мирном оазисе среди раздираемого противоречиями Сайгона, Партридж обнял Джессику, и она прильнула к нему. Поцелуй был жарким, требовательным, и Партридж почувствовал сквозь тонкое платье Джессики, что она вся горит. Годы спустя он будет вспоминать этот момент как одну из тех редких, волшебных минут, когда все проблемы и заботы – Вьетнам, мерзость войны, неуверенность в будущем, – казалось, отошли на задний план и было лишь настоящее и они сами.

Он спросил ее тихо:

– Пойдем ко мне?

Джессика кивнула в знак согласия.

Наверху, у себя в номере, освещенном лишь светом с улицы, он, не выпуская Джессику из объятий, раздел ее, и она помогала ему.

Он овладел ею, и у нее вырвалось:

– Ох, как же я тебя люблю!

Потом Партридж так и не мог припомнить, сказал ли, что тоже любит ее. Но он знал, что любил ее в ту минуту и всегда будет любить.

Растрогало Партриджа и то, что Джессика оказалась девственницей. И потом, продолжая любить друг друга, они находили такую же радость в физическом общении, как и во всем, что связывало их.

В другое время и в другом месте они быстро поженились бы. Джессике хотелось выйти замуж, ей хотелось иметь детей. Но Партридж – по причинам, о которых он потом сожалел, – воздерживался делать ей предложение. У него уже был неудачный брак в Канаде, и он знал, что браки телекорреспондентов часто кончаются крахом. Корреспонденты теленовостей ведут кочевой образ жизни, они могут не бывать дома по двести дней в году, а то и больше, они не привыкли выполнять семейные обязанности и встречают на своем пути такие соблазны по части секса, которым лишь немногие в силах противостоять. В результате супруги очень часто отдаляются друг от друга – как интеллектуально, так и сексуально. И, возобновляя семейную жизнь после долгих перерывов, встречаются как чужие.

Ну а ко всему этому добавлялся Вьетнам. Партридж знал, что рискует жизнью всякий раз, как уезжает из Сайгона, и хотя до сих пор ему везло – везение может ведь когда-то и кончиться. Поэтому было бы нечестно, рассуждал он, взваливать на кого-либо – в данном случае на Джессику – бремя постоянных волнений и возможность страданий потом.

Однажды утром после ночи, проведенной вместе, он сказал об этом Джессике, и, надо признать, не в самый удачный момент. Джессика была потрясена и обижена этой, как ей показалось, ребячливой уловкой со стороны человека, которому она доверилась полностью. И она холодно заявила Партриджу, что на этом их отношения кончаются.

Лишь много позже Джессика поняла, как неправильно истолковала то, что на самом деле было продиктовано добротой и заботой о ней. А Партридж через несколько часов уехал из Сайгона – как раз тогда он отправился в Камбоджу – и отсутствовал месяц.

Кроуфорд Слоун несколько раз встречался с Джессикой, когда она была в обществе Партриджа, и видел ее в здании Информационного агентства США, когда заглядывал туда по делам. И всякий раз его тянуло к Джессике, и ему хотелось ближе с ней познакомиться. Но, зная, что она девушка Партриджа, и будучи щепетильным в такого рода делах, он никогда не предлагал ей встретиться, как это часто делали другие.

Однако, узнав от самой Джессики, что они с Партриджем расстались, Слоун тотчас пригласил ее поужинать. Она согласилась, и они стали встречаться. Две недели спустя Слоун признался, что уже давно любит ее, а теперь, узнав ближе, вообще стал боготворить, и сделал ей предложение.

Джессика, никак этого не ожидавшая, попросила время подумать.

В ее душе царил полный хаос. Она страстно и безоглядно любила Гарри. Она ни разу еще не была так увлечена мужчиной и сомневалась, что такое может повториться. Инстинкт подсказывал ей, что такое чувство бывает лишь раз в жизни. И она продолжала его любить – Джессика была в этом уверена. Даже и теперь она отчаянно по нему скучала – вернись он и предложи ей замужество, она скорее всего сказала бы «да». Но Гарри явно не собирался это делать. Он отверг ее, и чувство горечи и злости засело в Джессике. Некий голос в ней кричал: «…Покажи ему! Пусть знает!»

А с другой стороны, появился Кроуф. И Джессике нравился Кроуфорд Слоун… Но и только!.. Он был ей, безусловно, приятен. Добрый и мягкий, любящий, интеллигентный – ей было интересно с ним. И на Кроуфа можно было положиться. Он был – Джессика не могла этого не признать – человек надежный,

чего про Гарри, при всем его обаянии, сказать было нельзя. С которым же из них лучше прожить вместе жизнь – а именно так понимала Джессика брак, – жизнь яркую, но полную волнений или же надежную и прочную? Ей трудно было на это ответить.

Джессика могла бы задать себе и другой вопрос, но почему-то не задала. А зачем надо вообще принимать решение? Почему нельзя подождать? Она ведь еще молода…

Хотя она этого и не сознавала, но на ее размышления влияло то, что все они были во Вьетнаме, в огне войны – он опалял самый воздух, которым они дышали. Было такое ощущение, будто время спрессовано и течение его ускорилось – часы и дни календаря сменяли друг друга с бешеной скоростью. И каждый день стремительно вытекал сквозь открытые шлюзы. Кто из них знал, сколько им еще осталось дней? И кому из них суждено вернуться к нормальной жизни?

Во всех войнах на протяжении всей истории человечества так было всегда.

И вот, хорошенько все взвесив, Джессика на другой день приняла предложение Кроуфорда Слоуна.

Их тут же обвенчал в американском посольстве армейский капеллан. На церемонии присутствовал посол, который потом дал в их честь прием.

Слоун был счастлив до безумия. Джессика уверяла себя, что она тоже счастлива, и старалась подладиться под настроение Кроуфа.

Партридж узнал об этом браке, лишь вернувшись в Сайгон, и только тогда – по навалившемуся на него горю – понял, что2 он потерял. Встретив Джессику и Слоуна, он постарался скрыть свои чувства и поздравил их. Но Джессика слишком хорошо его знала, и это ему не вполне удалось.

Однако Джессика, если и разделяла в какой-то мере чувства Партриджа, хранила это про себя и даже старалась о нем забыть. Она твердила себе, что сделала выбор, и решила быть хорошей женой Слоуну – такой на протяжении всех лет она и была. Как в любом браке, у них бывали конфликты и раздоры, но раны заживали. И теперь – ко всеобщему удивлению – приближался уже серебряный юбилей их свадьбы: до него оставалось всего пять лет.

6

Сидя за рулем своего «бьюика», Кроуфорд Слоун проехал уже полпути до дома. Мост Триборо остался позади, он выскочил на скоростное шоссе Брюкнер, по которому быстро можно добраться до шоссе 95, пересекающего Новую Англию.

«Форд-темпо», отъехавший за ним от здания Си-би-эй, продолжал двигаться следом.

Ничего удивительного, что Слоун не заметил этой машины – ни сегодня вечером, ни в другие дни, когда она ездила за ним в течение последних недель. Дело в том, что водитель – молодой тонкогубый колумбиец с холодными глазами, взявший себе недавно имя Карлос, – был большим специалистом по преследованию дичи.

Карлос приехал в Соединенные Штаты два месяца назад по фальшивому паспорту и уже больше трех недель вел наблюдение за Слоуном вместе с шестью другими колумбийцами – пятью мужчинами и женщиной. Подобно Карлосу, остальные тоже пользовались подложными именами, в большинстве случаев скрывая таким образом преступное прошлое. Прежде – до этого задания – члены группы не знали друг друга. Даже и сейчас только Мигель, их вожак, находившийся сегодня в нескольких милях от них, знал, кто они на самом деле.

За то недолгое время, что они пользовались «фордом», машину уже дважды перекрашивали. При этом она была у них не единственной, чтобы слежку было труднее заметить.

Наблюдение за Слоуном дало точную и подробную картину передвижений его и его семьи.

Сейчас, в потоке транспорта, мчавшегося по шоссе, Карлос ехал через три машины за Слоуном – так, чтобы не выпускать «бьюик» из виду. Рядом с Карлосом сидел еще один человек, отмечавший время в журнале. Звали его Хулио – он был смуглый, со шрамом от ножевой раны, пересекавшим левую щеку, вспыльчивый и любивший спорить. Он был в группе связистом. За ними на заднем сиденье находился радиотелефон, один из шести аппаратов, связывавших машины с временным штабом группы.

И Карлос, и Хулио, люди безжалостные, были тренированными снайперами, и оба были вооружены.

Сбавив скорость, Слоун объехал место аварии, где столкнулись бамперами несколько машин, и снова стал вспоминать Вьетнам и Гарри Партриджа.

Несмотря на успехи во Вьетнаме, да и блестящую карьеру потом, мысли о Партридже не переставали бередить Кроуфорда Слоуна – правда, не слишком сильно. Вот почему он чувствовал себя не очень ловко в компании Партриджа. И порой у него мелькала мысль: думает ли Джессика когда-либо о Гарри, вспоминает ли какие-то особо интимные минуты?

Слоун никогда не задавал жене вопросов об ее интимных отношениях с Гарри. Он мог бы задать их много раз, в том числе и в начале их брака. И Джессика, будучи Джессикой, по всей вероятности, откровенно ответила бы. Но задавать подобные вопросы было не в натуре Слоуна. Да он, пожалуй, и не очень хотел слышать ответы на них. Однако, как ни парадоксально, эти мысли нет-нет да и бередили его после стольких лет, и к старым вопросам прибавлялись новые: Гарри по-прежнему дорог Джессике? Встречаются ли они? И не осталось ли у Джессики по сей день сожалений?

А профессионально… Слоуна не мучило чувство вины, но в глубине души он знал, что Партридж работал лучше него во Вьетнаме, хотя славы больше досталось ему, Слоуну, да еще он и женился на девушке Партриджа… И вопреки логике он не чувствовал себя в безопасности, хотя такого чувства у него не должно было бы быть… И тем не менее он чувствовал себя неуютно.

«Форд» обогнал Слоуна и находился теперь на несколько машин впереди. Оставалось всего две-три мили до съезда на Ларчмонт. Карлос и Хулио, уже изучившие привычки Слоуна, знали, где он съедет с шоссе. Это был старый трюк – опережать время от времени дичь. Вот и сейчас «форд» первым съедет с шоссе у Ларчмонта, дождется Слоуна и затем снова поедет за ним.

Минут десять спустя, когда Слоун въехал на улицы Ларчмонта, «форд» на некотором расстоянии последовал за ним и затормозил, не доезжая до дома Слоуна, стоявшего на Парк-авеню, фасадом к проливу Лонг-Айленд.

Дом – в соответствии с солидными доходами Слоуна – был большой и внушительный. Белый, под серой шиферной крышей, он стоял в тщательно распланированном саду, и к нему вела заканчивающаяся полукругом подъездная аллея. У входа высились две ели. Над двойными дверями висел чугунный фонарь.

С помощью дистанционного управления Слоун из машины открыл дверь трехместного гаража, въехал внутрь, и дверь опустилась за ним.

«Форд» подъехал ближе и с безопасного расстояния продолжал вести наблюдение.

7

Уже в небольшом крытом коридоре, соединявшем гараж с домом, Слоун услышал голоса и смех. Но когда он открыл дверь и шагнул в выстланный ковром холл, куда выходили почти все комнаты нижнего этажа, голоса умолкли. Джессика окликнула его из гостиной:

– Это ты, Кроуф?

Он, по обыкновению, ответил:

– Если не я, то дело худо.

Она мелодично рассмеялась в ответ:

– Мы рады тебе, кто бы ты ни был! Минуту терпения – и я буду с тобой.

Он услышал позвякиванье льда и понял, что Джессика готовит мартини: она всегда встречала его этим коктейлем по вечерам, стремясь помочь расслабиться и забыть о трудностях минувшего дня.

– Привет, пап! – крикнул с лестницы Николас, одиннадцатилетний сын Слоунов. Мальчик был тоненький и высокий для своих лет, с умными глазами. Он сбежал вниз и обнял отца.

Слоун поцеловал сына и провел пальцами по его каштановым кудрям. Ему нравилось, что сын так встречает его, а все благодаря Джессике. Она внушила ему – чуть ли не с рождения, – что любовь надо выражать, а не таить в себе.

В начале их брака Слоуну нелегко было выказывать Джессике любовь. Он прятал свои чувства, недоговаривал, предоставляя другой стороне догадываться о них. Это объяснялось его благоприобретенной выдержкой, но Джессика, хорошенько потрудившись, взломала воздвигнутые им стены, и теперь в его чувствах к ней и к Никки не существовало преград.

Слоун помнил, как она сказала ему в первые же дни: «В браке, мой дорогой, все стены рушатся. Вот почему священник говорит: «Соединяю вас» – помнишь эти слова? Так что теперь мы с тобой будем до конца жизни говорить друг другу все, что мы чувствуем, а иногда и выказывать свои чувства».

Последнее относилось к сексу, где Слоуна еще долго после их объединения ждали сюрпризы и неожиданности. Джессика приобрела несколько иллюстрированных книг по сексу, которые в изобилии продаются на Восточном побережье США, и обожала экспериментировать с новыми позами. Слоуна сначала это слегка шокировало, и он робел, но потом и он к этому пристрастился, хотя зачинательницей всегда была Джессика.

Ему не могли не приходить в голову мысли о том, были ли у Джессики эти книжки, когда она встречалась с Партриджем. Пользовались ли они ими? Но Слоуну так и не хватило духу задать эти вопросы – возможно, потому, что он боялся услышать в ответ «да».

С другими же людьми Слоун по-прежнему вел себя сдержанно. Он не мог припомнить, когда в последний раз обнимал отца, – несколько раз он порывался его обнять и всякий раз воздерживался, не зная, как это воспримет старик Энгус, человек сухой, даже жесткий.

– Привет, милый!

Джессика появилась в бледно-зеленом платье – Кроуфорду всегда нравились такие тона. Они поцеловались и вместе прошли в гостиную. Ненадолго там появился и Никки: он уже поужинал и собирался спать.

– Как дела в музыкальном мире? – спросил Слоун сына.

– Отлично, пап. Я развиваю Второй прелюд Гершвина.

– Я помню этот прелюд. Гершвин, кажется, сочинил его в молодости.

– Да, ему было тогда двадцать восемь лет.

– В начале, насколько я помню, там есть такой мотив. – И он попытался напеть; Никки и Джессика засмеялись.

– Я знаю это место, пап, и, пожалуй, понимаю, почему ты его запомнил.

Никки подошел к роялю и, аккомпанируя себе, запел чистым тенором:

В небе звезды яркие,

Берег залит луной,

А я с крыльца тетушки Дины

Смотрю на милый Неллин дом.

Слоун сдвинул брови, напрягая память.

– Где-то я это уже слышал. Это не песня ли времен гражданской войны?

Никки так и просиял:

– Правильно, пап!

– Кажется, до меня дошло. Ты хочешь сказать, что некоторые места в этой песне похожи на Второй прелюд Гершвина.

Никки покачал головой:

– Все наоборот: сначала была песня. Но никто не знает, известна ли она была Гершвину и использовал ли он ее или же это просто совпадение.

– И мы тоже никогда этого не узнаем. – Пораженный познаниями Никки, Слоун добавил: – Вот ведь черт!

Ни он, ни Джессика не могли в точности припомнить, когда у Никки появился интерес к музыке, но, во всяком случае, в раннем детстве, а теперь музыка стала главным предметом его внимания.

Никки потянуло к роялю, и он начал брать уроки у бывшего пианиста-концертанта, пожилого австралийца, жившего неподалеку, в Нью-Рошелл. Недели две-три назад учитель, говоривший с сильным акцентом, сказал Джессике: «У вашего сына уже сейчас недюжинные для его возраста познания в музыке. В дальнейшем перед ним может открыться несколько путей: он либо станет концертировать, либо будет композитором или даже исследователем, ученым. Но главное: музыка говорит с Николасом языком ангелов, языком радости. Она – часть его души. И я предсказываю, что она станет главным в его жизни».

Джессика взглянула на часы.

– Никки, уже поздно.

– Ах, мам, разреши мне побыть еще. Завтра же в школе нет занятий.

– Но тебе все равно целый день надо заниматься. Так что – нет.

Джессика следила за дисциплиной в семье, и Никки, пожелав родителям спокойной ночи, ушел к себе. Вскоре они услышали звуки портативной электронной клавиатуры, донесшиеся из его спальни, – Никки обычно играл на ней, когда нельзя было пользоваться роялем в гостиной.

А Джессика вновь занялась мартини. Глядя, как она разливает коктейль по бокалам, Слоун думал: «Можно ли быть счастливее?» Такое чувство вызывала у него Джессика и то, как она выглядела после двадцати лет брака. Она уже не ходила с распущенными волосами и не старалась скрыть пробивавшуюся седину.

Да и возле глаз у нее появились морщинки. Но фигура по-прежнему была стройная, хороших пропорций, а ноги притягивали взгляды мужчин. В общем, думал Слоун, она, право же, не изменилась, и он по-прежнему гордился женой, когда появлялся с ней в чьем-либо доме.

– Похоже, у тебя был тяжелый день? – заметила она, протягивая ему бокал.

– В общем – да. Ты смотрела «Новости»?

– Да. Несчастные пассажиры этого самолета. Такая страшная смерть! Они ведь, должно быть, уже какое-то время знали, что у них нет шанса выжить, – сидели и ждали смерти.

Слоун почувствовал укор совести: он об этом даже и не подумал. Порой профессионал настолько занят сбором информации, что забывает о людях, участниках события. «Интересно, – подумал он, – это происходит от бесчувственности, порождаемой слишком долгой причастностью к разного рода событиям, или от необходимой отстраненности, какую вырабатывают в себе врачи?» Слоун надеялся, что это второе, а не первое.

– Если ты смотрела сюжет про самолет, – сказал он, – значит, ты видела Гарри. Что ты о нем скажешь?

– Он хорошо вел передачу.

Джессика произнесла это безразлично ровным тоном. Слоун наблюдал за ней, ждал, что она еще скажет, – неужели прошлое совсем для нее умерло?

– Гарри не просто хорошо вел. Он это делал на большой. – Слоун поднял вверх большой палец. – Он выступал без подготовки. У него на это не было времени. – И Слоун рассказал, как повезло Си-би-эй, что в далласском аэропорту оказалась съемочная группа. – Гарри, Рита и Минь – все трое здорово сработали. Мы уже обскакали все другие станции.

– Гарри и Рита, похоже, часто работают теперь вместе. Между ними что-то есть?

– Нет. Они просто хорошо сработались.

– Тебе-то откуда это известно?

– Потому что у Риты роман с Лэсом Чиппингемом. Они думают, что никто об этом не знает. Но знают, конечно, все.

Джессика расхохоталась:

– Ну и команда у вас – сплошной инцест.

Лэсли Чиппингем был шефом Отдела новостей Си-би-эй. Именно с ним Слоун собирался разговаривать на другой день по поводу Чака Инсена и настаивать, чтобы его убрали.

– Меня можешь из этой братии исключить, – сказал Слоун жене. – Я вполне доволен тем, что у меня есть дома.

Мартини, как всегда, сняло напряжение, хотя ни он, ни Джессика не пили много. Бокал мартини и бокал вина за ужином – это была их норма, а в течение дня Слоун не пил вообще.

– Я вижу, у тебя сегодня хорошее настроение, – сказала Джессика, – и для этого есть еще одно основание. – Она поднялась и достала из маленького бюро, стоявшего в другом конце комнаты, уже вскрытый конверт. Джессика обычно вскрывала корреспонденцию, так как вела бо2льшую часть их личных дел. – Это письмо от твоего издателя и гонорарный счет.

Он взял у нее конверт и внимательно просмотрел бумаги – лицо его просияло.

Несколько месяцев назад вышла книжка Кроуфорда Слоуна «Телекамера и правда». Он написал ее в соавторстве, и это была третья его работа.

Продавалась книга плохо. Нью-йоркские критики безжалостно набросились на нее, радуясь возможности унизить человека с таким весом, как Кроуфорд Слоун. Но в Чикаго, Кливленде, Сан-Франциско и Майами книга понравилась. Более того, с течением времени определенные места в ней привлекли внимание обозревателей газет, а лучшей рекламы ни одной книге и не надо.

В главе, посвященной терроризму и заложникам, Слоун прямо написал о том, «с каким стыдом американцы узнали в 1986–1987 гг., что правительство США купило свободу группке своих заложников на Ближнем Востоке ценой жизни тысяч иракцев, которые полегли и были искалечены не только на полях сражений между Ираном и Ираком, но и в тылу».

Эти люди погибли, писал он, потому что США снабжали Иран оружием в уплату за выпуск заложников. «Современные грязные тридцать сребреников» – так охарактеризовал Слоун эту расплату оружием, подкрепив свои слова цитатой из Киплинга.

Особой похвалы, кроме приведенного выше, удостоились следующие высказывания Слоуна:

«Ни у одного политического деятеля не хватит духу сказать это вслух, но заложников – в том числе и американцев – следует считать людьми приговоренными.

С террористами можно говорить только языком контртерроризма, ибо это единственный язык, который они понимают: надо, по возможности, их выслеживать и исподтишка уничтожать. Никогда нельзя – прямо или косвенно – идти на сделку с террористами или платить им выкуп – никогда!

При поимке с уликами террористам, которые сами не соблюдают норм гражданского права, нельзя давать возможность прибегнуть к помощи законов и принципов, которые они презирают. Англичане, глубоко уважающие закон, вынуждены порой отходить от него в целях защиты от порочной и безжалостной ИРА.

Что бы мы ни делали, терроризм не исчезнет, потому что правительства и организации, поддерживающие террористов, в действительности не хотят идти ни на какие соглашения и договоренности. Это фанатики, использующие других фанатиков для достижения своих целей.

Мы, живущие в Соединенных Штатах, не избавлены от терроризма – скоро и нам предстоит столкнуться с ним на собственном дворе. Но ни психологически, ни как-либо иначе мы не подготовлены к этой не знающей границ, безжалостной войне».

Когда книга вышла в свет, кое-кто из начальства Си-би-эй занервничал, опасаясь, как бы утверждения о том, что «заложников следует считать людьми приговоренными» и что террористов надо «исподтишка уничтожать», не вызвали в политических кругах и среди широкой публики возмущения против телестанции. Как выяснилось, тревожились они напрасно и вскоре тоже присоединились к славившему Слоуна хору.

Широко улыбаясь, Слоун отложил в сторону листок с солидной цифрой гонорара.

– Ты это вполне заслуживаешь, и я горжусь тобой, – сказала Джессика. – Особенно если учесть, что ты не из тех, кто хватается за любой предлог, лишь бы вызвать полемику. – И, немного помолчав, добавила: – Кстати, звонил твой отец. Он приезжает завтра рано утром и намерен пробыть у нас с неделю.

Слоун поморщился:

– Что-то он зачастил.

– Одиноко ему, да и стар он становится. Может, когда ты доживешь до его лет, и у тебя появится любимая невестка, с которой тебе захочется вместе пожить.

Оба рассмеялись, зная, как любят друг друга Энгус Слоун и Джессика и насколько они ближе друг другу, чем отец и сын.

Отец Кроуфорда уже несколько лет жил один во Флориде, после того как умерла его жена.

– Я рада, когда он с нами, – сказала Джессика. – И Никки тоже.

– О’кей, тогда все прекрасно. Но пока отец будет тут, постарайся использовать свое великое влияние на него, чтобы он перестал вещать насчет чести, патриотизма и всего остального.

– Я понимаю, о чем ты. И постараюсь сделать все, что смогу.

Объяснялся этот разговор тем, что старший Слоун никак не мог забыть своего героического вклада во Вторую мировую войну – он был старшим бомбардиром в авиации и получил за свои заслуги Серебряный крест и Крест за отличные полеты. После войны он работал бухгалтером – карьера не блестящая, но обеспечившая ему пристойную пенсию и независимость. Тем не менее годы, проведенные на войне, продолжали занимать главное место в воспоминаниях Энгуса.

Кроуфорд уважал военные заслуги отца, но знал, каким занудным мог быть старик, когда садился на одного из своих любимых коньков и принимался разглагольствовать о том, что «исчезли нынче цельные люди, заботящиеся о моральных ценностях».

Джессика же умела спокойно пропускать мимо ушей эти проповеди.

Кроуфорд и Джессика продолжали беседу и за ужином – это было их любимое время. Ежедневно приходила прислуга, но ужин Джессика готовила сама, стараясь все так устроить, чтобы после приезда мужа как можно меньше времени проводить на кухне.

– Я знаю, – задумчиво произнес Кроуфорд, – что ты имела в виду, когда сказала, что я не из тех, кто стремится вызвать полемику. На протяжении моей жизни я, пожалуй, далеко не всегда при первом же случае высказывал свое мнение. Но я твердо стою на позициях, изложенных в моей книге. И по-прежнему на них настаиваю.

– Ты имеешь в виду терроризм?

Он кивнул.

– С тех пор как это было написано, я не раз думал о том, что и как способны и могут сделать террористы тебе и мне. Поэтому я принял некоторые меры предосторожности. До сих пор я не говорил тебе об этом, но ты должна знать. – Джессика с любопытством смотрела на него, а он продолжал: – Тебе никогда не приходило в голову, что такого человека, как я, могут выкрасть, что я могу стать заложником?

– Я думала об этом, когда ты был за границей.

Он покачал головой:

– Это могло бы произойти и здесь. Всегда ведь что-то случается впервые, а я, как и многие другие на телевидении, работаю, так сказать, в аквариуме с золотыми рыбками. Если террористы начнут орудовать в США – а ты знаешь, я считаю, что это произойдет, и произойдет скоро, – люди вроде меня станут притягательной добычей, так как все, что мы делаем или что с нами делают, получает широчайшую огласку.

– А семьи? Они тоже могут стать объектом нападения?

– Едва ли. Террористам нужно имя. Человек, которого все знают.

– Ты упомянул про меры предосторожности, – с беспокойством сказала Джессика. – Что это за меры?

– Меры, которые будут приняты после того, как меня возьмут заложником… если это произойдет. Я разработал их с одним знакомым юристом, Саем Дрилендом. Он знает все в деталях и имеет право довести это до сведения публики, когда потребуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Значит, следовательно (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

положение обязывает (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/artur-heyli/vechernie-novosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить